

ТЕОНА РЭЙ

МАЛЕНЬКАЯ
ХОЗЯЙКА
ВОЛШЕБНОЙ ЛАВКИ

Попаданки в Молот

Теона Рэй

**Маленькая хозяйка
волшебной лавки**

«Автор»

2023

Рэй Т.

Маленькая хозяйка волшебной лавки / Т. Рэй — «Автор»,
2023 — (Попаданки в Молот)

За помощью я сбежала из родного мира в далекий Молот, о котором слышала в детстве. Но что делать если спасения, которое мне обещали, здесь нет? Как выжить на краю дикого севера с маленькой дочкой на руках, если даже говорить о своем происхождении нельзя? Я должна научиться противостоять бедам, свалившимся на нас. Восстановить заброшенную свечную лавку, потому что это наш единственный шанс на жизнь, и обязательно обрести счастье в чужом мире.

© Рэй Т., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	21
ГЛАВА 6	24
ГЛАВА 7	28
ГЛАВА 8	33
ГЛАВА 9	37
ГЛАВА 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Теона Рэй

Маленькая хозяйка волшебной лавки

ГЛАВА 1

– Уверены, что вам сюда? – водитель обернулся на нас, заглушив мотор.

Я молча кивнула. Не знала, как объяснить человеку, что мне и моей пятилетней дочери в сорокаградусный мороз необходимо выйти на дороге, ведущей через лес.

До ближайшего населенного пункта, если ехать вперед, сто десять километров. Если повернуть назад – восемьдесят. Сейчас выйдем из машины, и такси уедет, а мы останемся в зимнем лесу среди ночи. Скорее всего, добродушный водитель сразу же пойдет в полицию, но мне было все равно. Нас никогда уже не найдут.

Я глянула на наручные часы. Минутная стрелка двигалась к заветной цифре слишком медленно, но сидеть в машине дольше было нельзя.

Оплата за поездку списалась с карты, оставив на счету двадцать рублей. Я отдала последнее за вероятность, что дальше меня ждет спасение.

Дочка крепко стиснула мои пальцы в своей ручке, когда машина, взвизгнув тормозами, сорвалась с места. Я следила за удаляющимся светом фар до тех пор, пока такси не скрылось из виду, и осмотрелась.

– Мам, – Соня тоже принялась оглядываться по сторонам, а потом хмуро посмотрела на маленький чемодан у наших ног. Темный лес ее не пугал. – Я думала, Дед Мороз придет к нам домой.

– Придет, милая, но еще слишком рано. До Нового года целый месяц, – дочку слушала вполуха, свободной рукой пытаюсь отыскать записку в кармане пальто.

Вот она!

Подсветила телефоном, вбила написанные на ней координаты в навигатор, и с облегчением поняла, что мы стоим именно там, где надо. Но все равно, нужно смотреть по сторонам, потому что портал может открыться совсем рядом с нами. До его появления оставалось пятнадцать минут.

– А дядя вернется? – спустя пару минут спросила дочка, зевая.

– Нет, не вернется.

– А как мы пойдем домой? Нас не съедят?

– Кто, малыш?

– Волки.

– Нет, – я рассмеялась, а сердце заплакало от жалости к Соне. Даже в темном лесу, где наверняка водятся волки, нам было безопаснее, чем дома.

Я не переставая смотрела на часы. Еще десять минут... пять... три. Чем ближе было ровно два часа ночи, тем сильнее я дрожала, но не от холода. Паника накрывала с головой при мысли о том, что двадцать лет назад меня просто обманули. Мне тогда было всего восемь. Что, если мне просто рассказали сказку, а я поверила и втянула во все это свою дочь? Никогда себе этого не прощу. Если портал не откроется, мы не сможем дойти до ближайшего поселка в такой холод.

Пушистые ресницы Сони покрылись инеем, носик покраснел, но в голубых чистых глазах сияло любопытство. Дочке не было страшно, она вообще не понимала, что происходит, и пока не замерзла и не проголодалась, воспринимала нашу поездку как веселое приключение.

Две минуты.

Одна.

– Милая, иди ко мне скорее, – подхватила Соню одной рукой, в другую взяла чемоданчик со всеми нашими пожитками, и завертелась, ища взглядом голубоватую вспышку.

Тот мужчина, представившийся мне как Балдер Нел, говорил, что вход работает всего тридцать секунд. Ни больше, ни меньше. Мы должны успеть, иначе идти нам больше некуда.

Последнюю минуту я отсчитывала вслух. Соня задавала вопросы, но я ее не слышала.

Двадцать секунд...

Десять...

– Мам?

– Не сейчас, малышка, – выдохнула я, и в тот же миг в шаге от нас вспыхнуло голубоватое сияние.

Мне потребовался всего миг на радость, наполняющую сердце. Балдер не обманул, портал правда существует! А в следующую секунду я рывком кинулась к сиянию. Мгновение, и оно потухло, а мы все еще стояли среди зимнего леса. Растерянно озираясь по сторонам я старалась разглядеть, куда ведет дорога. Балдер говорил, что отличие от нашего мира я сразу не замечу, поэтому чувствовала себя сейчас уверенно, точно зная, что мы уже перешли... Земля осталась очень далеко, так далеко, что никто и никогда не найдет ни меня, ни Соню. Я ведь видела вспышку, она не могла быть плодом моего воображения, не могла!

Соня все так же с любопытством вертела головой, а я крепче сжала ручку чемодана и зашагала вперед. Балдер объяснял мне, куда идти. Это было очень давно, но я до сих пор помню каждое слово.

– Пятьдесят шагов прямо вперед, запомнила?

Я тогда мотала головой словно болванчик, и улыбалась. Мне нравилась эта сказка о другом мире, в котором живут волшебники, эльфы и даже русалки. А дядечка был настолько серьезен, что я не могла ему не поверить.

– Потом увидишь дома, но тебе туда нельзя идти сразу...

Я тряхнула головой, прогоняя воспоминания, и двинулась вперед. Ровно пятьдесят шагов.

– Обойдешь поселок... – звучал в моей голове хриплый голос, – выйдешь на узкую тропинку, по ней влево до самого конца. Увидишь деревянный дом и внимательно присмотришься к окнам – когда заметишь в одном из них красный огонек, значит ты на месте.

Мужчина назвал себя Путешественником, а потом встал со скамейки и ушел, оставив мне записку со множеством цифр. Это сейчас я знаю, что в ней были написаны дата и точные координаты места, где произойдет открытие портала, а тогда мне казалось, что дядя дал мне письмо написанное на иномирном языке.

Я берегла его двадцать лет, а достала из сейфа-книжки только вчера, когда вся моя привычная жизнь рухнула.

– Мам? – дрожащий от холода голос дочки вырвал меня в реальность. – Я устала.

– Потерпи милая, осталось совсем чуть-чуть, – улыбнулась я, увидев в конце узкой тропинки тот самый дом. В окне и правда горел огонек, и теперь все будет хорошо.

Путешественник предупреждал, что портал выведет меня на крайний север Молота, но так же говорил, что мир огромен и при желании я смогу отправиться куда угодно, хоть на жаркий юг! А это значит, что нет смысла грустить насчет лютых морозов, которые здесь были еще сильнее чем в моем родном мире.

Я искренне улыбалась. Счастливо целовала дочку в щеки, она смеялась и фырчала, возмущаясь, что я пачкаю ее слюнями. Я уже не чувствовала ни холода, ни усталости. Видела огонек и шла на него.

Путешественник говорил, что он живет в этом доме, и поможет мне когда я приду. Он говорил, что у меня будет возможность отыскать портал через десять лет. Балдер должен был

ждать меня на том самом месте в лесу, говорил, что он будет возвращаться домой из своего путешествия, но в восемнадцать лет я не желала никуда уходить.

Обнесенный забором двор был заметен снегом. Я хмуро смотрела на входную дверь, заваленную сугробом почти наполовину. Судя по всему, Путешественника не было дома несколько дней, по крайней мере, очень надеюсь, что не дольше.

Я оставила дочь на тропинке за воротами, поставила чемодан у ее ног, и полезла по сугробу во двор.

Ключа не было ни в щелях, ни в приступке над дверью. Едва не плача, я смотрела на тяжелый навесной замок и, стянув перчатки, шарила окоченевшими пальцами по оконной раме. Надеюсь, что ключ окажется в каком-нибудь из отверстий.

– Мам!

– Потерпи немного, – обернулась на миг, проверить Соню, и убедившись, что малышка в порядке, разве что выглядит растерянной, снова взглянула на окно. Вандализм – это нехорошо, но если я сейчас не выбью стекло, мы с дочерью замерзнем у запертой двери этого дома.

Звон нарушил ночную тишину. Я отряхнула рукав пальто от стеклянных крошек и, просунув голову в окно, беглым взглядом осмотрела прихожую. В темноте разглядеть что-либо было невозможно, но я надеюсь, что сумею отыскать свечи.

Проваливаясь по колено в снег, вернулась за Соней. На руках дотащила ее до разбитого окна, и забросила в прихожую чемодан. Следом помогла дочке забраться, и придерживала ее за руки, пока она не оказалась на полу.

– Тут темно, мам.

– Я же с тобой, – улыбнулась ей, снимая пальто. В верхней одежде мне не удастся пролезть в узкую форточку, поэтому пальто отдала Соне, и та бережно прижала его к себе.

– Ты как Дед Мороз, – смеялась Соня. – Он ведь тоже через окно заходит, да?

– Это он меня и научил, – хохотала я, втискиваясь в проем. Дотянувшись руками до пола и кулем свалилась вниз.

В том, что это был тот самый дом, я даже не сомневалась. Путешественник говорил, что он живет в отдалении от поселка на самом краю леса и я не перепутаю дом, потому что он тут всего один. Но где сам Балдер? Если я вообще правильно помню его имя... Да, конечно, помню. Я не забыла ничего из того, что он мне говорил.

Соня обычно стойко переносила любые трудности. Даже когда хотела есть или сильно устала, она молча терпела, потому что знала – так надо. Но сейчас дочка принялась канючить, что неудивительно, ведь за последние сутки ей удалось поспать всего час пока мы ехали в такси.

Из прихожей в дом вела узкая дверь и она, к счастью, оказалась не заперта. В комнате за ней было так же темно, поэтому двигаться приходилось на ощупь. Добралась до окна, дернула занавеску в сторону, и тьма в помещении сменилась полумраком. Так лучше, хотя бы не споткнусь. Еще несколько минут поисков и в моих руках было три свечи и спички. Я подожгла фитиль одной свечи и поставила ее на стол у окна. Следующую установила в железный подсвечник стоящий на пустой полке, а третью сжала в руке.

Теперь света хватало на то, чтобы все рассмотреть. Небольшое помещение, служащее и кухней и гостиной одновременно, оказалось чистым и уютным. На полу лежал толстый ковер, прикрывая щели между досками. У окна стоял длинный стол и две скамьи по обе стороны от него. Но самым прекрасным в этой комнате была печь, рядом с которой находилась маленькая поленица с сухими дровами. Рядом с ней на стене висели шкафчики, а на полу под ними стояли тумбы.

За еще одной дверью обнаружилась спальня с широкой кроватью, письменный стол, табурет, сундук для одежды и тумбочка с постельным бельем. Я вытащила из нее одеяло и поморщилась – оно было влажным, значит дом не отапливался давно.

Уложила Соню на кровать прямо в одежде, укрыла ее своим пальто, и дочь тут же заснула. А я еще долго лежала рядом с ней, пытаюсь осознать все, что произошло этой ночью. Только сейчас, слыша мирное посапывание ребенка, я наконец поняла, что мы все-таки и вправду спасены. Балдер не обманул. Другой мир существует.

Разве что Путешественник не рассказывал мне о том, с какими трудностями придется столкнуться здесь, да и мой тогда еще детский мозг улавливал лишь что-то вроде:

– ...в Молоте много таких как ты, не только с Земли, но и из других миров.

– И магия есть? – восхищенно спрашивала я, мысленно уже подружившись с какой-нибудь феей.

– Есть, – отвечал мужчина.

Он был не очень стар, но виски были подернуты сединой, да и в бороде пробивались белые волоски. Для меня, любительницы сказок, Балдер Нел был сказочным колдуном, и я охотно ему верила. Как оказалось сегодня – не зря.

Сейчас я смотрела на своего ребенка и у меня сжималось сердце от страха. Что, если бы к ней на улице подошел странный мужчина, представившийся волшебником? Она бы тут же поверила во все его рассказы, а потом сбежала из дома на поиски фей, русалок и принцесс. Как когда-то хотела сделать я. Но мне было велено ждать десять лет, прийти на место, которое указано в записке, и уже там меня бы ждал Балдер. Он обещал мне обучение в академии магии, а потом – работу в некой магистерии... До сегодняшнего дня я жалела, что не пришла в тот день. Но я не могла оставить любимого.

Прикрыв глаза всего на минуту, мысленно попрощалась с мужем, пожелав ему... мозгов. Доброты я ему не желаю, счастья и здоровья тоже. Как бы плохо это ни было, но в глубине души желала ему смерти.

Сейчас, главное, помнить, что он больше не причинит вреда ни мне, ни Соне. Осталось лишь дожждаться возвращения Балдера. Он ведь должен прийти домой, верно? И тогда с его помощью моя жизнь станет совсем другой. Проще, лучше, безопаснее. Он обещал.

Как наивна я была в этот вечер... Но я об этом даже не догадывалась.

ГЛАВА 2

Убедившись, что Соня крепко заснула, я осторожно выпуталась из ее объятий и на цыпочках ушла на кухню. Тихонько прикрыла за собой дверь. Ребенку нужно выспаться, неизвестно что ждет нас утром. Сейчас же нужно затопить печь, в доме так холодно, что изо рта идет пар.

Дверца печи противно заскрипела, когда я потянула за ручку. Аккуратно сложила на решетку четыре полена, отыскала бересту, порвала ее на клочки и сунула промеж поленьев. Поднесла свечу к каждой из берестянок, и когда пламя принялось жадно лизать дрова, открыла задвижку в трубе. Кажется, как-то так она называется... Я помнила почти все, чему меня учила моя бабушка. Благодарю Бога за те семь лет, что она меня воспитывала, если бы не то время с ней, сейчас я бы даже не знала, что такое печь.

Я сидела на корточках перед топкой и, почти не мигая, следила за огнем. Дождалась, когда все поленья охватит жаркое пламя, и двинулась к кухонным шкафчикам. Надеюсь, Балдер любит поесть, и с продуктами у него проблем нет.

К счастью, почти так и оказалось. Я отыскала пшено, гречку и даже рис. Увидев последнюю, удивилась, но обрадовалась – дочь любит рисовую кашу. Я была почти счастлива, ровно до того момента, как решила понюхать гречку. Крупа пахла затхлостью и плесенью, несмотря на жуткий холод царивший в помещении. С рисом и пшеном было то же самое, и я перебирала все пакетики, начиная паниковать. Либо в Молоте вся крупа имеет отвратительный запах, либо Балдера не было дома очень давно. Крупа не может испортиться быстро, я это точно знаю. Еще год назад покупала мешок гречки, и только недавно она приобрела отталкивающий кисловатый запах...

Год.

Мой взгляд метнулся к столу, полкам, и ящикам внизу стеллажа. Я должна отыскать хоть что-то, что указало бы мне на то, когда именно Путешественник ушел из дома.

На полках в беспорядке стояли книги бесполезного содержания. По крайней мере, бесполезного в данный момент. Здесь были истории о драконах, местных храмах, и королевской семье. Что-то мне подсказывало, что все это вовсе не художественная литература, а самые настоящие справочники, но сейчас они мне были не нужны. Я искала газеты, записки...

А это что?

Я вытащила из-под книги пожелтевший бумажный лист. Краска выцвела, и буквы, напечатанные на нем, разобрать было практически невозможно. Разве что дата... Мои брови поползли вверх. Нет, я не так уж сильно удивилась, просто непривычно было видеть выпуск газетного листа от 5730 года.

– А день-то какой? – бормотала я, перечитывая каждое не выцветшее слово на несколько раз. – Пятый день Второй недели Второго зимнего месяца... Молотовцы, или как их тут называют, не могли дням недели обозначения нормальные дать?

Новостной листок я сложила вчетверо и сунула в карман штанов. Не знаю пока, зачем, но, возможно, мне пригодится информация о дате. Судя по всему, это был тот день, когда Балдер ушел из дома, после чего ему уже не поставляли газеты. Пугало состояние листа... Ему словно много лет. Но такого ведь быть не может, верно? Балдер Нел обещал быть дома и ждать. Он не обманул насчет портала, значит не обманывал и в том, что поможет. Правда, когда он предлагал мне помощь, у меня еще не было дочки, я сама была ребенком. Надеюсь, Соня его не смутит и нас не выгонят на улицу.

Дрова пищали, пожираемые пламенем. Я так задумалась, что не заметила искр, сыпавшихся из поддувала, а когда очнулась, то ковер уже задымился. Быстро затоптала ногой маленький огонек, и присмотрелась к дыре оставленной им – небольшая пропалина, но все же это

чужое имущество, и мне стало стыдно. Всего час как в гостях, а уже несу разрушения дому. Железная пластина, лежащая у печки, не спасала от возможного возгорания, и я пометила себе в голове, что придется следить за печью всегда, когда она топится. Не самое интересное занятие, но что поделать.

Я подтащила скамью к печи, села на нее и обхватила себя руками, чтобы быстрее согреться. Чтобы натопить дом понадобится много времени. Создавалось ощущение, что бревна промерзли насквозь, настолько было холодно. За окном меж тем начиналась пурга. Ветер нес поземку, замывая окна еще сильнее и, глядя на то, с какой скоростью наметает сугробы, я успокаивала себя тем, что раз входная дверь занесена снегом лишь до половины, то Бладер был дома недавно.

Ждать Путешественника я планировала только до утра, и если он не придет, то мне придется идти в поселок искать помощи там. Может, сумею найти какую-нибудь работу, чтобы были деньги хотя бы на еду. Балдер предупреждал, что мне нельзя показываться в поселке, но также он говорил, что сам меня туда сводит. А раз его нет, то что мне остается делать? Я даже не смогу накормить ребенка утром. Из той крупы, что есть в шкафчиках, нельзя ничего сварить.

Красный огонек который находился в углу оконной рамы, тот самый, что служил мне маяком, потух. Я дважды моргнула, решив, что мне показалось, но, видимо, огонек работал только пока в нем была необходимость.

Жар от печи распространился по кухне, и я тихонько подошла к спальне, чтобы открыть дверь и в комнату дошло тепло. Свеча на прикроватной тумбочке освещала личико спящей Сони. Дочка спала крепко, ресницы ее подрагивали во сне, а губки, сложенные бантиком, кривились. Наверное, опять снится нелюбимая ею овсянка.

Я вернулась к печи, раздумывая, что же все-таки приготовить, и снова полезла в шкафчики. Увы, за полчаса там ничего не изменилось, в бумажных пакетах все также лежала испорченная крупа. Наверное, лучше быть голодными, чем отравиться, находясь в чужом мире, где наверняка нет какой скорой помощи, а даже если и есть, то она не проедет по таким сугробам.

Ведомая каким-то предчувствием, я двинулась к стеллажу. Потянула за металлическую ручку один из ящиков и, осторожно, чтобы не шуметь, принялась перебирать хлам лежащий в нем. Болтики, шурупчики, веревки – все это мне пригодится, но потом. Маленькую деревянную шкатулку обнаружила не сразу, почему-то даже внимания на нее не обратила пока перебирала болтики. Крошечный сундучок был выполнен из темного дерева, красивые завитушки украшали крышку, а снизу вместо ножек у шкатулки были приделаны маленькие красные камешки.

Я приоткрыла крышку и с любопытством взглянула на бархатный черный мешочек, лежащий внутри. Он глухо зазвенел, когда я вытащила его из сундучка, и на мою ладонь посыпались монетки. Наверное, монетки, потому что я таких никогда в своей жизни не видела. Маленькие, размером и цветом они походили на пятьдесят копеек, вот только никаких цифр на них написано не было. С одной стороны был нарисован трехлистный клевер, а с другой – корона. Что представляет собой такая монета, я даже не догадывалась, но, судя по цвету, могла предположить, что она медная.

Я скрупулезно пересчитывала монетки, складывая их на столе в столбики по десять штук. Всего было десять столбиков. Путем долгого размышления пришла к выводу, что передо мной лежит сто медных монет, но что можно купить на них я не знала. Вообще-то ничего, потому что деньги не мои!

Я обернулась на вход в спальню, взглянула на умиротворенное выражение лица дочери и зажмурилась, стыдясь того, что собираюсь сделать. Ради себя никогда бы не взяла ни единой чужой монетки, но мне надо кормить Соню. Если Балдер заставит вернуть деньги, я пойду на любую работу, и обязательно отдам монеты. Но сейчас его нет, а голодный ребенок есть.

Снова пересчитала медяшки, сыпала их назад в мешочек, и спрятала его во внутреннем кармане кофты. Спортивный костюм на мне был хороший, теплый, со множеством потайных карманов. Единственная вещь, за которую я сейчас благодарна бывшему мужу. Такого же фасона костюм был и на Соне, только его я покупала сама, заработав деньги на автомойке. Больше меня ни на какую должность не брали из-за маленького ребенка, мол, дитя в садик не ходит, а работница, приводящая своего ребенка на работу, им не нужна.

На автомойке всем было все равно, и я брала Соню с собой. Выдержала и я, и она, всего неделю, но заработанных денег хватило и на костюм, и на такси до места открытия портала.

Я тряхнула головой, прогоняя ненужные воспоминания. Мысли о прошлом заставляли мое сердце сжиматься от боли и страха, и уверенность в светлом будущем тут же рушилась на глазах, поэтому я запретила себе думать обо всем, что было до сегодняшней ночи.

Пурга на улице не прекращалась. Я не мигая наблюдала за порывами ветра, будто пыталась их загипнотизировать и успокоить, но усталость, накопившаяся за последние дни, дала о себе знать. С мыслью, что как только наступит утро, сразу же отправлюсь в поселок, я заснула прямо на скамейке у печи.

Просыпалась несколько раз за ночь. Сначала затекла рука, потом в стекло порывом ветра прилетело что-то и я испуганно подскочила, услышав глухой стук. Когда открыла глаза в третий раз, то за окном было уже не так темно, как ночью, но и светлым этот день назвать было нельзя. Буран не затих, наоборот, стал завывать еще сильнее. Дрова в печке давно прогорели и, к счастью, ковер не загорелся снова пока я дрыхла.

– Мам? – из комнаты послышался сонный голос дочки, и я поспешила к ней.

Соня сидела на кровати, хлопая глазками и кутаясь в пальто. В спальне было холодно, но уже не так сильно, как когда мы только пришли в дом.

– Доброе утро, – чмокнула дочь в лоб, раздумывая, как сказать ей, что маме нужно выйти на улицу. – Как спалось?

– Мне снился папа, – Соня поморщилась, зевая, а я стиснула ее в объятиях чуть сильнее.

– Милая, мне нужно выйти на улицу. Ты же видела вчера, как сильно занесло вход в дом? Я уберу снег, чтобы мы могли выйти, ладно?

– Ладно, – согласно кивнула она, но было видно, что не хочет меня отпускать. Соня наверняка хотела есть, обычно по утрам у нее зверский аппетит, но сейчас она не жаловалась и не просила, понимала, что еды нет.

Я отыскала на стеллаже книжку, в которой было несколько картинок, дала ее дочке, и поторопилась на улицу. В прихожей нашлась широкая лопата, и ее я выкинула из форточки первой, а потом вылезла сама. Пальто надевать не стала, потому что Соне оно нужнее, да и я буду раскидывать снег, а значит не замерзну.

По ощущениям прошел примерно час, но сугроб не сильно-то уменьшился. Я откидывала снег в сторону, а ветер тут же засыпал получившуюся ямку новой порцией снежинок. Я снова откидывала, и снова ямку засыпало. Когда сил уже не осталось, ко всему прочему счастьем я еще и провалилась по самую попу.

Отбросила лопату в сторону, постаралась отдышаться, но, даже прикрывая рот ладонями, вдохнуть было сложно. Ледяной воздух охватывал горло, колот словно иголками, а в лицо летели колючие снежинки, из-за чего глаза приходилось постоянно закрывать.

Штаны от костюма уже промокли и противно облепили ноги, благо, голенища сапог были туго затянуты шнурками и хотя бы носки оставались сухими. Сугроб только сверху был покрыт заледеневшей коркой, а внутри состоял из рыхлого снега, несмотря на лютый мороз, что нам вчера удалось застать, поэтому выбраться получилось, хоть и с трудом. Я схватилась за торчащую над снегом ручку двери, потянулась вперед, руками вытягивая ноги из снежного плена, и пока барахталась, еще сильнее засыпала дверь. Что ж, в следующий раз приду откапывать вход в дом только когда утихнет пурга.

Я отыскала, уже присыпанную снегом, лопату, и вернулась в дом. Штаны сохнуть будут долго, но ждать времени нет, поэтому было решено идти в поселок прямо так. Стоило мне засомневаться в идее тащить ребенка по такой погоде в магазин, как на всю комнату раздалось урчание животика Сони.

ГЛАВА 3

- Хочешь погулять? – спросила у нее, отряхиваясь от снежинок у печи.
- В такую погоду? Можно?
- Мы пойдем в поселок, поищем магазин. Если получится, купим что-то вкусное.
- К бабе Маше пойдем? – глазки ребенка засияли, а мое сердце рухнуло в пятки.

До сих пор Соня думала, что мы в родной деревне, где у нас от моей бабушки остался дом. Сам дом дочка, видимо, не помнит... и даже не подозревает, где находится.

Наверное, я так долго стояла недвижимо, что Соня заволновалась.

– Мама?

– Ты должна кое-что знать, милая, – я прошла в спальню и села на край кровати.

Лгать дочери точно не стану, да и незачем. Она смысленная, должна понять, а случайно проговориться вряд ли сможет – в школу ей еще рано, да и, скорее всего, в этом мире она не сможет пойти учиться, а где еще завести друзей? Поэтому за сохранность тайны я не переживала.

– Мы с тобой переехали в другой мир, – начала я тихим ласковым голосом. – Помнишь, я рассказывала тебе сказки про фей и драконов?

Соня кивнула, хмурясь, а потом вскинула на меня сияющий взгляд.

– Мы увидим фею?!

– Не знаю, может быть, когда-нибудь. Но ты должна запомнить, что никому нельзя говорить, откуда мы приехали, понимаешь?

– А почему?

– Потому что плохие люди нас захотят поймать и посадить в темницу.

– Хорошо, – дочь кивнула, и я расслабленно выдохнула. – К бабе Маше мы не пойдем?

– Нет, бабу Машу мы больше не сможем навестить. Она теперь далеко.

– А мои игрушки?

Я вспомнила ту гору кукол, машинок и зверят, что была у Сони, и кисло улыбнулась. Если бы мы забрали их все, пришлось бы переезжать в Молот не с одним чемоданчиком. Вообще-то, я взяла с собой только две упаковки жаропонижающих, а Соня засунула в чемодан плюшевого динозавра. Еще среди необходимых вещей были носки, нижнее белье, зубные щетки и средства для гигиены.

Но все это мы собирали вовсе не для Молота, а для поездки к бабушке в деревню еще неделю назад. Если бы я знала, что с этим чемоданом сбегу в другой мир, положила бы какой-нибудь еды, хотя бы крекеров или консервов.

Недолго думая, я спрятала в чемодан свой мобильник, который здесь ожидаемо не ловил связь, но достала динозаврика и отдала дочке, попросив ее не брать игрушку с собой. Плюшевый зверь, невиданный этому миру, вызовет массу ненужного внимания.

Из дома выбирались так же, как и заходили в него. До заметенных ворот ступали осторожно, чтобы не провалиться, а уже за оградой идти было легче. Несколько сантиметров сугроба были в кол замерзшие, и проваливались ноги лишь по щиколотки в свежий снег, что был поверху.

Поселок отсюда просматривался хорошо. Дом Балдера стоял на пригорке, а все остальные внизу. Однотипные деревянные домики стояли вплотную друг к другу, весь поселок расчерчивали ровные узкие улочки. Над поселком вился сизый дым из печных труб, откуда-то доносился стук колес, ржание лошадей, крики и смех ребятишек. Поселок жил полной жизнью даже в такое холодное время. Несмотря на сильный буран, я видела и женщин, спешащих домой из магазинов с бумажными пакетами в руках, и стариков, чинно прогуливающихся туда-

сюда. Пока мы с Соней спускались по сугробам, одна пожилая пара дважды обошла несколько домов медленным прогулочным шагом.

Люди привыкли к снежным зимам, но я тогда еще не знала, что лета на севере никогда не бывает.

Соня увидела толпу ребятишек у стеклянной витрины магазина со сладостями, и взгляд ее сделался таким несчастным, что я пожалела, что взяла дочь с собой. Но и оставить ее дома не могла, мало ли что случится со мной в пути.

В самом поселке дороги были расчищены, и мужики не прекращали махать лопатами ни на минуту, потому что снег все сыпал и сыпал, и если лошади могли пройти, то повозки катились с трудом, скрипя колесами. Многие дома были украшены сияющими огоньками. Мне сначала показалось, что это гирлянды, но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что проводов у огней нет. Они словно сами по себе держались за бревна и кровлю, и светились явно с помощью магии.

Мы с Соней теперь в магическом мире, стоит к этому привыкнуть. Здесь все, что привычно нам, скорее всего, работает без электричества. Интересовало, есть ли в Молоте какой-то транспорт помимо экипажей, например, машины или корабли, но выясню это потом. Сейчас, главное, узнать, что те медные пластинки в моем кармане – деньги.

Дочка уже и забыла о детях, с которыми я не разрешила ей познакомиться, и топала рядом, крепко держа меня за руку. Вертела головой, с любопытством рассматривая непривычные ей дома, которые выглядели словно из мультиков. Здания здесь и правда были красивые, хоть и простенькие – бревенчатые стены, деревянные кровли крыш, квадратные маленькие окна. Магазины, а точнее, как я совсем быстро поняла, “лавки” обозначались вывесками причудливых форм, на которых было написано “Продуктовая лавка”, “Молочная лавка”, “Банная лавка” и так далее.

Но с особым интересом я разглядывала одежду местных жителей. Женщины были одеты в простые длинные шерстяные платья, и обуты в валенки. А вот верхняя одежда мне очень понравилась: пальто на одной из девушек было красивым, с широкими полами собранными во много складок, и выглядело оно словно бальное платье, но из очень плотной шерстяной ткани. Верх пальто облеплял фигуру, подчеркивая соблазнительные формы, аккуратные рукава заканчивались широкими манжетами, а воротничок-стойка был украшен брош-кой-совой усыпанной сверкающими камнями.

Но в таких пальто ходили не все, а только те, кто совершенно точно имел много денег. Финансовое состояние модниц можно было определить по тем огромным пакетам, что вслед за ними тащили слуги, и по вычурным экипажам. Впрочем, таких было всего два, как и девушек-модниц. Я встретила их у ателье. Блондинки, с похожими чертами лица, увидев друг друга, заулыбались. Одна приветственно махнула рукой второй, а та отвесила шутливый поклон.

– Мам, это принцессы, – серьезно произнесла дочка.

Я лишь улыбнулась. Не буду говорить ей, что принцессы совершенно точно не ходят по магазинам сами... Хотя кто знает, какие принцессы в этом мире, и есть ли они здесь вообще. Разберемся, мы ведь теперь в Молоте навсегда.

Пока Соня с восхищением рассматривала “принцесс” я искала взглядом какую-нибудь самую простенькую продуктовую лавку. Такая обнаружилась в конце улицы, в нескольких метрах от нас. Она не была украшена огоньками, да и вместо симпатичной вывески над дверью была приколочена не ошкуренная доска.

Мы двинулись в сторону этой лавки. Я толкнула дверь, но она не поддавалась, пришлось навалиться плечом и тогда петли скрипнули, дверь отворилась, впуская нас в помещение. Внутри было светло от огня в камине и нескольких свечей. Дверь в еще одну комнату, что была за прилавком, отворилась, и в зал вышел бородатый мужчина. Он выглядел словно разбойник из любимых дочкиных сказок, и Соня, увидев его, спряталась за мою спину.

Мужчина глянул на меня подбитым глазом. Синяк на пол лица уже пожелтел, но это не делало его менее отталкивающим. Даже я стала немного нервничать, находясь с лавочником один на один.

– Здравствуйте, – мне мой голос показался писклявым, и я откашлялась. – Мы бы хотели у вас купить что-то из еды. Это ведь продуктовая лавка?

– Не местные?

– Только сегодня прибыли.

– Я продаю только крупы, – мужик кивнул на мешки, стоящие вдоль стен. Я проследила за его взглядом, и кивнула.

– Да, их и надо. Только... можно сперва понюхать? – вопрос наверняка прозвучал странно, потому что густые брови лавочника поднялись вверх, едва не путаясь в рыжих кудрявых волосах. Но мне было важно узнать как пахнет крупа в этом мире, если вспомнить, что та, что есть дома у Балдера, мягко сказать, жутко воняет.

Мужчина не отказал в моей странной просьбе, поэтому я двинулась к одному из мешков. В нем него оказался рис, и пах он вполне обычно. Я долго думала, сколько крупы попросить взвесить, не зная, есть ли тут такое понятие как “килограмм”, но потом решила попросить насыпать рис в небольшой пакет.

Лавочник выполнил просьбу и взвесил пакет. К моему удивлению и облегчению, сказал:

– Один килограмм ровно.

– Отлично! – я быстро вытащила мешочек из кармана, дрожащей рукой высыпала часть монет на прилавок, и проследила, изменится ли равнодушное выражение лица мужчины.

К моему ужасу, он глянул на монеты несколько шокировано, явно не понимая, почему с ним рассчитываются непонятно чем.

– Вы бы мне еще золотой выложили, – рыкнул он, а увидев мой непонимающий взгляд, добавил еще громче, да так, что Соня захныкала: – Две медяшки стоит килограмм риса, две! Если таким образом хотели ткнуть в меня тем, что я когда-то грабил людей, то у вас получилось. Забирайте пакет и больше не приходите.

Мужчина смахнул со стойки себе в руку две монетки, остальное отодвинул ребром ладони, и я быстро забрала остатки. Схватила пакет с крупой и мы с Соней выскочили на улицу. Дочка все еще испуганно оборачивалась на дверь, а я ошарашенно хлопала глазами, глядя на пакет в своих руках.

Меня поразило абсолютно все. И то, что мужик правда оказался бывшим разбойником, судя по его словам, и то что вот эти медные пластинки оказались реальными деньгами, и то что... килограмм риса стоит две медяшки, а у нас всего сто монет. На такую сумму долго не проживешь, и желание найти какую-нибудь работу с каждой минутой только крепло.

– Он кричит как папа, – тихо проворчала Соня, успокаиваясь.

Я присела перед ней на корточки и улыбнулась так широко, что дочка на меня стала коситься с подозрением.

– Папа больше на тебя кричать не будет, слышишь? Никогда. А знаешь что мы сейчас купим?

– Что?

– Что-то сладкое, – заговорщицким голосом проговорила я, стараясь сдержаться и не расплакаться при ребенке.

Когда-нибудь, надеюсь, совсем скоро, я осознаю, что мы с Соней в безопасности, и перестану реагировать на любое упоминание ею своего папы так остро. Пока что в моей голове еще было живо воспоминание, как Олег хватает Соню за волосы и изо всех сил ударяет ее о стену. Это было буквально вчера, и сегодня, спустя всего несколько часов, я хочу изо всех сил кричать, чтобы выплеснуть эмоции, но не могу этого сделать. Я больше никогда не повышу голос

при своей дочери, никогда! Всю ее жизнь она будет чувствовать только заботу и поддержку, и никогда не увидит драку, и не услышит ругань.

ГЛАВА 4

– Мам? – тоненький голосок дочери раздался возле моего уха. – Пойдем уже.

– Да, идем скорее.

Я обещала себе больше никогда не вспоминать ничего из того, что произошло до сегодняшней ночи, но так как сделать это было очень сложно, то я просто изменила свое обещание – я не буду думать о плохом пока мы с Соней гуляем по незнакомому, красивому, совершенно волшебному городку!

Не ассоциировалось у меня это место с поселком, потому что здесь не было ни ферм, ни огородов. Почему же Балдер называл это место поселком?

В голове на этот счет крутились какие-то мысли, но я никак не могла составить из них логическую цепочку, и решила для себя, что узнаю потом у местных жителей. А вообще-то вот прямо сейчас и спрошу.

– Простите, – я обратилась к той самой пожилой паре, которую уже видела, когда мы спускались от дома вниз. – Что это за место? Мы с дочерью приехали только сегодня, но название городка, – на последнем слове я сделала акцент, – осталось для нас загадкой.

– Вивлонд, – ответила старушка, прищуриваясь от летевших в лицо снежинок. – Город Вивлонд. А вы откуда?

– Спасибо! – крикнула я ей, поспешно утягивая за собой Соню. Поболтаем с местными потом, когда пойдем, как себя вести.

Вивлонд. Красивое название, очень уютное. Значит, это все-таки не поселок... Может быть, Балдер был рожден в столице, и все остальные городки ему казались маленькими деревеньками?

– Вив-лонд, – повторила Соня по слогам, загибая пальчики, как я ее учила. – Это далеко от бабушки?

– Очень далеко. Но тебе здесь понравится, я обещаю.

– Мне нравится. Только холодно, – дочь поморщилась, натягивая шапку еще ниже, почти на глаза.

Буран немного затих, но колючие снежинки все еще летели в лицо, посылаемые резкими порывами ветра. В нашем городе тоже были холодные зимы, но чаще морозные, без пурги. Одежда, что сейчас была на мне и на Соне, могла защитить от холода, но ненадолго, а от ветра не защищала совсем.

Взгляд мой упал на вывеску “Ателье”, и я сама себе покачала головой. Я не могу тратить деньги на одежду тогда, когда нечего есть. Проще уж все время находиться в помещении, и не выходить на прогулки.

Мы прошли в начало улицы, туда, где видели толпу детей. Сейчас ребятишек там уже не было, и можно было спокойно стоять напротив стеклянной витрины и рассматривать красивые сладости. Здесь были и фигурные леденцы, и печенья, и какие-то совсем простенькие пирожные. Особо никаких изысканных десертов я не увидела, но не удивилась этому. Может быть в Молоте нет магии, которая позволяет печь красивые пирожные?

Ценников на сладостях не было, и я стала нервничать. Не хотелось бы предстать перед продавцом и перед дочерью не в лучшем свете, отказавшись покупать леденец. Но спросить стоимость было нужно, поэтому я морально подготовилась к таким расходам, убедив себя в том, что это будет всего один раз. И если не очень дорого...

– Двенадцать серебряных монет за карамель, – продавщица кривила губы, видя растерянность на моем лице. Ей не нравились люди, которые просто смотрят и ничего не покупают, а таких видимо за одно только утро было довольно много, поэтому раздражение женщина скрыть не могла.

Я, даже не зная местных расценок, понимала, что сладости стоят слишком уж дорого. По сравнению с рисом, который явно не на севере выращивают, а стоит всего две медяшки.

– А есть что-то подешевле? – я все же решилась на этот вопрос. Соня терпеливо ждала.

Продавщица, закатив глаза, вытащила из-под прилавка круглое шоколадное печенье в бумажной упаковке.

– Три серебряных.

Сколько бы это ни было, у меня столько нет... наверное.

– А сколько это в медных монетах?

– Тридцать, – нервно ответила женщина, вновь пряча печенье под прилавок.

Мы попрощались с ней и вышли на улицу. Выходя из лавки, я услышала грустный вздох дочки, и в этот же момент решила, что на печи сумею приготовить такие печенья сама. А судя по ценам на продукты, мука здесь тоже будет стоить не очень много.

– Я не думала, что конфеты тут такие дорогие, – виновато сообщила Соне, а та пожала плечами.

– Как и у нас дома. Там ты тоже говорила, что конфеты дорогие.

Дочь была права. Даже в родном городе я не могла себе позволить купить ту или иную сладость, потому что денег лично у меня не было, а деньги мужа – были деньгами мужа.

– Мы приготовим сами, – решительно сказала я, подхватывая Соню на руки. Она уже устала идти, это было заметно по тому, как тяжело стала поднимать ножки.

В продуктовую лавку разбойника я и не думала возвращаться, поэтому стала искать ту, которую видела в первый раз.

А вот и она, рядом с молочной. Эта продуктовая лавка выглядела очень симпатично. Сотни мелких огоньков украшали лицевую сторону дома, крышу, а на окнах были нарисованы снежинки белой краской. Вообще все указывало на то, что этот городок готовится к Рождеству или Новому году, вот только думаю, что названия праздников у них тут другие. Надо будет спросить, и сообщить ребенку, что теперь нет никакого Нового года.

К счастью, как потом выяснилось, все оказалось намного проще.

Колокольчик над дверью звякнул, когда мы вошли в лавку. В помещении было очень светло от люстры со свечами на потолке, а светильники на стенах работали словно от электричества – настолько мягкий и яркий был свет. Но и они, скорее всего, были заряжены каким-нибудь заклинанием.

– Добрый день! – из-под стойки выскочила жизнерадостная девушка. Длинные светлые волосы ее были заплетены в две толстые косы, теплое платье полностью закрывало горло, плечи, и руки до запястий. В лавке было тепло, но постоянно открывающиеся входные двери запускали холодный воздух и снег в помещение. У порога на полу сверкала лужа из-за талой воды.

– Здравствуйте, – поздоровалась Соня с улыбкой. Симпатичная и добрая девушка ей понравилась больше неприветливого пугающего мужчины.

Я рассматривала полки, сплошь заставленные разными коробочками и пакетиками. Все было упаковано настолько аккуратно, словно здесь продают не продукты, а подарочные сувениры. Но что совершенно точно меня стало раздражать в Вивлонде так скоро, так это отсутствие ценников на товары.

– Мне нужна мука, какао... если есть, яйца и масло. Еще соль и сахар, – сообщила я продавщице, и та, кивнув с улыбкой, принялась складывать все, что я попросила, в бумажный пакет.

Я же в панике ждала, когда девушка озвучит сумму.

– С вас двадцать медных, – лучезарно улыбнулась продавщица, а я расслабленно выдохнула.

Нет, мне совершенно не нравилось то, что печенья мне обойдутся в почти четверть всех денег что у меня есть, но Соне необходимо хоть что-то вкусненькое для поддержания морального духа. Мы не в соседний город переехали, и даже не в другую страну, и ребенку будет тяжело заново привыкать ко всему...

Я покосилась на Соню. Та с интересом смотрела по сторонам, скользила взглядом по полкам, улыбалась девушке за прилавком. По-моему я недооцениваю свою дочь, и в силу возраста она гораздо проще меня относится ко всяким там переездам.

Я попросила Улану, как нам представилась продавщица, положить в пакет еще и картофель.

– У нас не продаются овощи, – от удивления девушка даже улыбаться перестала. – Не местные?

– Сегодня приехали, – на этот вопрос я отвечала уже спокойно.

– Как интересно! В Вивлонд так редко приезжает кто-то из Большого мира!

– Большого мира?

– Ах да, вы наверное не знаете, – рассмеялась Улана. – В нашем городке все земли Молота называют Большим миром. Туда ехать очень уж далеко, и чаще всего никто не ездит. Поставки продуктов происходят раз в полгода, и только тогда мы видим хоть кого-то с тех земель.

Я икнула от шока. Слова разом вылетели из головы, и я стояла, открыв рот какое-то время, пока не собралась с мыслями.

– А сколько жителей в Вивлонде?

Девушка, задумавшись, принялась жевать кончик косы.

– Эм-м-м, насколько я помню, было две тысячи человек еще в прошлом году. Но с тех пор почти ничего не изменилось. Около сотни раз были похороны, но за год родилось почти семьдесят детишек, так что цифры уравнились. Но, еще в год моего рождения, жителей было и того меньше, а звание “город” Вивлонду присвоили совсем недавно.

Две тысячи людей. Всего две тысячи, из которых умудрились умереть целых сто человек! А то, что Вивлонд оказался едва ли не изолированным городом, меня вот вообще никак не успокаивало.

– Да вы не волнуйтесь, – улыбалась Улана. – Привыкните, наверное. Мы-то почти все родились здесь, это наш родной город, потому что ни один здравомыслящий человек сюда бы не приехал... Ой! – девушка испуганно зажала рот ладонью, а потом пробормотала: – Простите.

– Ничего, вы даже в какой-то степени правы, – я улыбнулась, разряжая обстановку. А себе пометила, что с Уланой надо подружиться. Очень уж она болтливая, а нам это может оказаться полезным, главное, самым следить за тем, что говорим. Вот Соне с ней точно общаться нельзя, мелкая ей расскажет же все!

Домой мы возвращались в хорошем настроении. Правда, оно было омрачено потраченной суммой в двадцать три монеты, но продуктов хватит на несколько дней. Печенья я испеку совсем немного, а остальную муку потрачу на лепешки. Лепешки и рисовая каша – что может быть лучше?

Уже на подходе к дому я почему-то стала нервничать, а когда залезли внутрь, меня и вовсе обдало ужасом. Предчувствие чего-то нехорошего было настолько сильным, что я хотела тут же развернуться и сбежать подальше.

– Пстой тут, – шепнула Соне, поставила рядом с ней пакет, и на цыпочках подошла к распахнутой настежь двери. Я точно помнила, что закрывала ее перед уходом.

Плавнo наклонилась, заглянула на кухню из-за косяка и... страх ледяными щупальцами подобрался прямо к горлу, когда я увидела, что содержимое шкафа вывалено наружу. Из ящика на пол были высыпаны все болтики, шурупчики и веревки. Книги тоже не пощадили. Одна из них лежала на полу раскрытая посередине, на мокрых от снега листах неясно, но угадывался отпечаток сапога.

Я прислушалась к завыванию ветра в спальне и, не услышав других звуков, быстро пересекла кухню. Окно в комнате оказалось вырвано вместе с рамой, и ледяной ветер беспрепятственно гулял по помещению. Из тумбы и сундука были вытащены все вещи, матрас с кровати скинули, и теперь его заметало снегом.

Я подскочила к кровати, нагнулась и вытащила чемоданчик. Кто бы ни приходил в этот дом пока нас не было, они оказались не очень умными сыщиками. Если бы заглянули под кровать, то непременно перевернули бы и содержимое чемодана.

Но одно было ясно – оставаться нам здесь больше нельзя. Даже если воры не придут снова, мы не можем оставаться в доме, который совсем скоро занесет снегом изнутри. Заколотить оконный проем нечем, разве что повесить простынь, но вряд ли от этого будет толк.

Я себя обманывала. Потому что сбегала из этого дома не потому что в нем холодно, а потому что чувствовала, что в него приходили вовсе не воры.

ГЛАВА 5

– Сонь, печенюшки откладываются, – я засунула пакет с продуктами в чемодан, отдала его малышке и, подхватив ее под руки, помогла вылезти на улицу через форточку. Выбралась следом за ней, и мы почти бегом побежали вниз по сугробам.

Дочка ничего не спрашивала, только еле слышно хныкала. У меня сердце разрывалось, но я ничего не могла сделать. Не знала, как успокоить собственного ребенка, потому что сама уже была на грани! Куда нам идти теперь? Я остановилась в начале улицы, взяла Соню на руки и, бросив чемоданчик у ног, погладила дочь по волосикам, торчащим из-под шапки.

– Милая, тебе понравились огоньки? – спросила я, но ответ и не ждала.

Соня плакала, и говорить не желала. Я же беглым взглядом осматривала вывески. Лавки, лавки, лавки... Кругом одни лавки! Слово всего городок только и делает, что тратит деньги. Я искала какую-нибудь гостиницу, или постоялый двор, или хоть что-нибудь, где можно было бы переночевать за несколько медяков, но на этой улице не было таких заведений.

– Прогуляемся еще вон туда, – я указала на поворот, ведущий на соседнюю улицу и, подхватив чемодан, зашагала в том направлении.

Я обошла почти все ближайшие улицы, и даже обнаружила большую площадь. Очень красиво украшенную, между прочим, и к счастью, Соня заинтересовалась большими ледяными фигурками. Перестала хныкать и теперь с широко распахнутыми глазами переводила взгляд с зайца на медведя, потом на волка.

Когда мой взгляд уткнулся в вывеску “Ночлег”, я даже сначала не поверила. Быстро моргнула, присматриваясь, но как оказалось, зрение меня не подвело. В деревянном покосившемся здании было множество окон, в некоторых из них мелькали тени. Надеюсь, это и есть гостиница.

Нам бы остановиться где-то еще хоть на сутки, а завтра с утра я обойду каждый дом в этом городке, но найду работу!

Дверь заскрипела, когда я ее потянула на себя, и сразу же в нос ударил едкий запах табака и алкоголя. Внутри оказалось, что у ресепшена находится еще и что-то вроде бара. Справа в конце помещения был камин, а рядом с ним два длинных стола и скамейки. За одним из столов сидели три мужчины. Они выпивали, шумели, хохотали, а один из них, не замолкая ни на секунду, самозабвенно рассказывал какую-то историю.

За стойкой стоял молчаливый мужик, внешне ничуть не отличающийся от того лавочника, с которым мы уже познакомились.

– Вы сдаете комнаты? – спросила я, когда собралась с духом спустя пару минут. Хотела уже развернуться и уйти, но Соня уткнулась носом в мои волосы и засопела. Нет, она не заснула, просто привлекает к себе мое внимание.

Мужик недовольно глянул на ребенка в моих руках, и кивнул. Говорить ему, видимо, не позволяла спичка, которую он мусолил во рту.

– По какой цене? – сделала я еще одну попытку получить ответ и, о чудо!

– Пять серебряных за сутки, без ужина. С ужином – десять.

Так, Алена, думай, пять серебряных это сколько? Ай, черт с ним!

– Сколько это в медяках?

– Пятьдесят.

Пятьдесят... Это почти все что у меня осталось. Вряд ли я найду жилье дешевле, поэтому стянула зубами перчатку с руки, вытащила мешочек из кармана и, высыпав монеты на стойку, отсчитала ровно пятьдесят штук. Мужик смахнул их себе в руку, снял с гвоздика на стене ключ и протянул мне. Указал на дверь, что находилась слева.

– Комната номер двенадцать.

Я поблагодарила и двинулась на поиски комнаты. Она нашлась в конце коридора, проходя по которому я отчетливо слышала стоны, крики, ругательства. Закрывать Соне уши не было смысла, мы здесь будем находиться до завтрашнего утра, и что-то мне подсказывало, что межкомнатные стены совсем хлипкие.

Замок щелкнул, когда я провернула в нем ключ, и дверь отворилась внутрь. В крошечном помещении было маленькое квадратное окно без какой-либо занавески, и из щелей в оконной раме сочился холод. В углу справа стояла узкая деревянная кровать с выдавшим виды постельным бельем. Когда-то оно было белого цвета, сейчас же желто-серого. Слева от двери находилась маленькая тумбочка для вещей, на ней же стояла глиняная чашка с огарком тоненькой свечи.

Я посадила Соню на кровать, и пока дочь снова не захныкала из-за громких звуков за стеной, которые ее пугали, принялась петь. Я пела ей песню о зайчишке в зеленом лесу за этот месяц раз пять, когда Олег запирали нас в комнате, а сам разносил квартиру. Он выбивал стекла в дверях, бил посуду, кричал, но не трогал ни меня, ни Соньку. До вчерашнего вечера.

Я быстро смахнула подступающие к глазам слезы. Спрятала чемодан под кровать, и опустилась на корточки перед дочерью, заканчивая пение. Соня улыбалась.

– Пойдем погуляем?

– Я устала, – пухлые губки скривились.

– Милая, маме нужно найти работу. Потерпи чуть-чуть, ладно? У нас все-все будет хорошо, но сейчас нужно потерпеть.

Дочь молча выслушала меня и, вздохнув, кивнула. Я каждый раз обещала ей, что все будет хорошо, но каждый раз получалось, что обманула. Подозреваю, что мать из меня никудышная, но в этот раз я сделаю все, и даже невозможное, чтобы не обмануть надежды ребенка.

Единственное, о чем я точно не жалею – это о том, что притащила дочку в другой мир, потому что здесь нас точно не найдут. Ехать в деревню, в дом, оставленный мне бабушкой, было нельзя – Олег нашел бы нас там на следующий же день, а других вариантов у меня не было.

Мы вышли из ночлежки под хохот мужиков, сидящих за столом, и когда тяжелая дверь захлопнулась, вновь наступила тишина.

На улице было спокойно, порывистый ветер почти прекратился, и теперь в воздухе парили крупные снежные хлопья. Снежинок было так много, что из-за них сложно было разглядеть что-либо дальше носа, но я примерно помнила откуда мы пришли, и двинулась в ту сторону.

Продуктовая лавка Уланы к обеду заполнилась людьми. С утра мы были единственными посетителями, а сейчас пришлось ждать своей очереди на улице. Руки отнимались под весом ребенка, я дважды просила Соню немного постоять рядом, но потом во мне просыпалась жалость и я брала дочь на руки.

Когда из лавки вышла последняя гостья, я поспешила внутрь прежде, чем нас опередила старушка в сиреновом пальто.

– Снова здравствуй, малыш, – жизнерадостно помахала Улана Соне, и дочка улыбнулась ей в ответ. Девушка переключила свое внимание на меня. – Что-то забыли купить?

– Не совсем, – я качнула головой. – Мы здесь всего один день. Приехали в гости, но нас не встретили. Уехать обратно не можем, и я не знаю к кому обратиться... Может быть, у вас есть какая-то работа для меня?

С миловидного личика Уланы сползла улыбка, и счастливое выражение лица сменилось печальным.

– Как же так? – девушка и правда расстроилась, не просто сделала вид. Я это чувствовала, и мне стало немного спокойнее. – К кому вы приехали?

– К Балдеру Нелу, может знаете его?

– К сожалению, нет, но я слышала о нем много хорошего, – Улана нахмурилась. – А вы кем ему приходиться?

– Просто знакомая, – качнула я головой, не желая вдаваться в подробности.

– В лавке работы нет, я сама помогаю матери, потому что нам нечем платить рабочим. Но вы можете узнать у Дорана, он, кажется, совсем недавно искал помощницу на кухню.

– Отлично! – на душе стало светлее, и я даже смогла улыбнуться. – Где мне его найти?

– Пойдите налево, как выйдете из лавки, потом поворот налево, дальше через два перекрестка увидите постоянный двор “Ночлег”.

Я едва сдержалась, чтобы не скрипнуть зубами. Во-первых, работать у Дорана желания не было. Во-вторых, почему я сразу у него не спросила?

Я попрощалась с Уланой, и мы вышли на улицу. Соня изъявила желание идти самостоятельно, и до “Ночлега” мы добрались только минут через двадцать.

Мужики из бара все еще не ушли, вонючего дыма в помещении стало еще больше, а хохот еще громче. На столе перед посетителями скопилось несколько пустых кружек, и тощая девочка-официантка несла поднос с еще тремя полными мутной жидкости.

– Мне сказали, что вам на кухню нужна помощница, – я не стала юлить и задала вопрос хозяину ночлежки в лоб.

Доран молча кивнул. Меня стала раздражать его немногословность, но я постаралась говорить спокойно.

– Мне очень нужна работа! Я умею готовить, убирать, мыть посуду... что еще делает помощница по кухне?

– Жить ты где будешь? – громыхнул Доран, выплевывая спичку.

– Видимо, здесь, – я понуро опустила голову, вспоминая шум в соседних комнатах от нашей. Надеюсь, так будет не всегда.

– Я плачу два золотых в месяц, ни медяком больше. Проживание за три недели будет стоить полтора золотых. Времени на вторую работу у тебя не будет, только в выходные. Выходной один раз в неделю. Клиентов брать не позволю!

– Почему за три недели? – не поняла я. – Вы же сказали два золотых в месяц?

– А сколько по-твоему недель в месяце?

Я молчала. Что могла сказать? Что Доран не умеет считать, или что... В Молоте месяц – это всего три недели? Но сколько тогда дней в неделе?

У меня не было другого выбора. Если не соглашусь на работу, то нам негде будет ночевать, а если соглашусь... У меня есть еще несколько медяков и пакет продуктов. проживем. К тому же, я так понимаю, с зарплаты будет оставаться еще пол золотого. Я уже примерно поняла, что это пятьдесят серебряных монет. Вообще-то огромная сумма, надо сказать!

– Работникам положен горячий обед, дети не учитываются, – Доран бросил на Соню пренебрежительный взгляд, и я едва сдержалась, чтобы не плюнуть мужчине в лицо.

Впрочем, я сумею прокормить ребенка до первой зарплаты, а сама проживу на положенных мне горячих обедах.

– Я согласна.

Соня будет рядом, это главное. Как оставлять пятилетнего ребенка одного, пока я на работе, не представляла, поэтому вариант с проживанием в том же месте, где работа, был едва ли не идеальным.

Но как оказалось чуть позже – я была слишком наивна.

– Завтра в семь утра должны быть на кухне, – прорычал мне вслед Доран, и я захлопнула за собой дверь в коридор.

ГЛАВА 6

Все вроде складывалось неплохо. Работать в “Ночлеге” я долго не стану, только пока не найду вариант получше, и чтобы было где жить хотя бы несколько дней. Поэтому остаток сегодняшнего дня было решено провести в поисках более подходящих вакансий.

Но сначала Соне нужно отдохнуть. Я, с трудом, но смогла усыпить дочь, тихо напевая песенку прямо над ее ухом, чтобы заглушить крики из соседней комнаты.

Дочь мирно посапывала, а я долго наблюдала в окно за пролетающими снежными хлопьями, и все думала, куда исчез Балдер? Может быть Доран что-то знает о нем? Осторожно выпуталась из маленьких рук, стискивающих мою шею, и тихонько вышла из комнаты.

Доран глянул вопросительно, когда я подошла к стойке.

– Простите, – я мямлила, не могла говорить уверенно и четко, когда на тебя пристально смотрит человек размером со шкаф. – Вы не знаете, где может находиться Балдер Нел?

– Балдер? – Доран медленно поднялся с места, возвышаясь надо мной словно гора. Я икнула от испуга, но тут же взяла себя в руки... ровно до того момента, пока не увидела, что ладони Дорана сжались в кулаки. – Зачем он тебе?

Я не знала, что ответить. Подозреваю, скажи я, что приехала к нему в гости, и из ночлежки нас с Соней выкинут как котят. Не знаю, что плохого Путешественник сделал хозяину постоянного двора, но явно ничего хорошего. Поэтому я не придумала ничего лучше, кроме как ляпнуть:

– Он мне кое-что должен.

– Да, и что же? – хохотнул Доран.

Мужики, сидящие за столом, стали на нас поглядывать с интересом.

– Неважно, кое-какую мелочь.

– Он всем тут должен, – зло выплюнул Доран.

– Ты ищешь Балдера? – крикнул один из мужиков. – Его лет двадцать никто не видел, но Доран прав – он в этом городке должен всем.

Я открыла и закрыла рот. В недоумении глянула на мужика, который со мной говорил, и решила, что мы говорим о разных Балдерах. Точно помню слова Уланы: “Я слышала о нем много хорошего”, что идет вразрез с тем, что я сейчас слышу.

– Вы о... Балдере-путешественнике? – все же решила уточнить, и не зря.

– О ком же еще? Хотя тебе-то откуда его знать? Ты поди еще совсем мелкой была, когда он исчез.

– Куда он мог исчезнуть? Может уехал куда?

– Он же Путешественник. Застрял поди в каком-то из миров, да и все. Или добровольно там остался, кто его знает.

– Он попросил золото у каждого из здесь присутствующих, – добавил Доран. – И после этого его никто не видел.

Я еле сдерживала слезы. Слушала мужиков, но почти не улавливала сути их разговора. Балдера нет здесь? Но даже не это беспокоило, а то что он... вор! Мошенник, разбойник, обманщик. Как назвать его еще?

– А много он тебе-то должен? – голос Дорана прозвучал прямо надо мной.

– Целую жизнь, – ответила тихо, едва сдерживая всхлип, и поскорее ушла в коридор. Когда дверь захлопнулась, из моих глаз брызнули слезы.

Последняя надежда испарилась словно дым. Тот, кто звал меня в Молот, сам в него не вернулся.

Я стояла напротив комнаты, не решаясь зайти. Только когда успокоилась, и слезы высохли, осторожно приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Соня все еще спала, но стоило мне войти, заворочалась и повернулась лицом ко мне.

– Ма... – он не смогла договорить, закашлялась.

Я испуганно подскочила к ней, опустилась на колени и прижалась губами ко лбу дочки. Простуды еще не хватало! У меня были жаропонижающие в чемодане, но ими не вылечить что-то серьезное. А какие виды вирусов бывают в Молоте – неизвестно!

– Ты как себя чувствуешь, м?

– Хорошо, – хриплым голосом ответила дочь, и попыталась улыбнуться, но снова закашлялась.

Лоб был горячий. Я попросила Соню открыть рот, но горло не было красным. Надеюсь, ничего страшного, обычная простуда. Все-таки ночь в холодном доме, потом еще прогулки на ветру... Я корила себя за то что мы вообще вышли из дома, но в то же время благодарила Вселенную за то, что она отправила нас гулять и мы не столкнулись с...

Теперь я понимала, что в дом Балдера залезли вовсе не воры. Люди пришли забрать свое. Видимо, увидели следы ведущие к дому, или свет в окнах, и решили, что Путешественник вернулся. Какое счастье, что мы были в городе!

Соня поднялась на постели, но тут же легла снова. Вяло приподняла ручку и погладила мою щеку.

– Мам, а печенье когда будем печь?

Я стиснула зубы, и растянула губы в улыбке. Держись, Алена. Теперь ты в этом мире совершенно точно одна, и тебе стоит быть сильной.

– Я сейчас вернусь, побудь одна пару минут, хорошо? – чмокнула дочь в щеку, и та заулыбалась.

Я выскочила за дверь, бегом преодолела коридор и, распахнув дверь, буквально врезалась в одного из тех мужиков, что сидели за столом.

– Куда мчишься? – недовольно зыркнул на меня и, отпихнув рукой, двинулся в конец коридора.

Мужика качало из стороны в сторону. Я следила за ним, пока он не вошел в одну из комнат, что была напротив нашей с Соней, и убедившись, что его не понесет в комнату под номером двенадцать, бросилась к стойке.

– Я могу воспользоваться печью? – спросила на выдохе, и замерла в ожидании ответа.

– Продукты тронешь – вычту с зарплаты, – рыкнул он.

– У меня свои есть. Спасибо!

Вот теперь я была почти счастлива. Вернувшись в комнату, достала чемодан из-под кровати, а из него вытащила пакет с продуктами.

– Пойдем печь печенье? – улыбнулась дочке, и та вместо ответа радостно подскочила. Но тут же закашлялась, зажмуриваясь.

Так. Выпечку откладывать нельзя, Соня расстроится, но потом сразу же постельный режим и много чая с лимоном. Надеюсь, здесь можно купить этот напиток.

Соня слезла с кровати, и принялась расстегивать пальто. Обычно она сама с этим быстро справлялась, но сейчас слабыми пальчиками долго возилась с одной пуговицей. Потом устало опустила руки и вздохнула. Я помогла ей раздеться. В комнате было холодно, но мы идем на кухню, а в верхней одежде туда нельзя. Да и рядом с печью должно быть тепло. Я тоже скинула свое пальто, подхватила пакет, и мы вышли из комнаты. Дверь заперла на ключ, а его спрятала в карман. На всякий случай дважды дернула ручку, чтобы убедиться, что дверь закрыта.

Кухня нашлась слева от камина в конце зала. Двустворчатые двери были в высоту всего метра полтора, они не доставали до пола, и сверху еще оставалось пространство. Из-за этого было слышно все, что происходит в зале, а из зала было слышно шум с кухни.

В помещении оказалось тепло, и это радовало. Дрова в большой печи, что стояла в углу, заодно трещали и шипели, пожираемые пламенем. За окном, которое было едва ли не во всю узкую стену, в воздухе кружились хлопья снега. Атмосфера была такой уютной и сказочной, что я даже забыла на миг о проблемах.

Соня восторженно распахнула глаза, и побежала к широкому подоконнику. Забралась на него, стала на колени и прилипла носом к стеклу.

Я осмотрелась. Печь была похожей на ту, которая была у бабушки. В ней тоже была сверху та часть, которая служила для выпекания хлеба. К моему стыду, я совершенно не помнила, как эта часть называется. Но к счастью, знала как ею пользоваться.

Деревянный длинный стол находился посреди кухни. Еще один вдоль стены, и на нем стояли тазы с водой. Тут же были свалены в одну кучу горшки, чашки, кружки. Уже вымытая посуда лежала рядом с грязной, и мне, наверное, следовало ее убрать в тумбы. Но сегодня еще не мой рабочий день, поэтому я поставила пакет на свободный стол, вытащила из него продукты и занялась тестом.

Завести его много времени не требовалось. Просто все ингредиенты ссыпать в миску, замесить, а потом раскатать с очень тонкий пласт. Я не стала заводить много теста, всего на десять печений. Дочке хватит на пару дней, а мне не нужно. Скалка нашлась в тумбе, там же я с удивлением нашла металлическую формочку. Она была одна и круглая, но совершенно точно для вырезки кружочков из теста. Жаль, что не было форм в виде елочек или зверушек, Соне нравится такое...

– Папа! – визг дочери заставил меня подпрыгнуть. Форма выпала из рук и со звоном покатила по каменному полу.

Мне понадобилась доля секунды, чтобы оказаться возле окна. Я схватила Соню и, крепко стиснув в объятиях, оторвала от стекла. Чтобы не пугать, пыталась улыбаться и делать вид, что мне вдруг резко захотелось ее потискать.

– Мам, там был папа!

– Милая, папы здесь быть не может, понимаешь? – нарочито радостно проговорила, и чмокнула ребенка в щеку.

У самой же сердце билось словно сумасшедшее. Я точно знала, что Олег не мог сюда попасть, потому что на дороге в том лесу мы были одни, и Соне просто показалось. Ей пять лет, у нее богатая фантазия, и ей часто виделось то, чего вообще никто не видел. Когда вырастет, наверняка будет художником, или сценаристом, очень уж она любит выдумывать то, чего нет.

– Но я видела! Это был папа!

– Малыш, ты перепутала, понимаешь? – я снова вернула ребенка на подоконник. Не знаю, что на меня нашло, как-то машинально отдернула ее от окна, чтобы “папа” ее не увидел, и только потом я вспомнила, где мы находимся. За тысячи, а может быть, даже миллионы световых лет от Земли. Это я и попыталась объяснить дочери, но тихим-тихим голосом, чтобы в зале нас никто не услышал.

Соня, кажется, поняла. Она вновь прилипла к стеклу, и пока я вырезала печенья, почти не шевелилась. Я же держала формочку дрожащей рукой, крепко прижимала острые края к тесту, а получившиеся кружочки выкладывала на противень. Двенадцать коричневых печенек отправились в “духовку”, а я села на подоконник рядом с дочерью.

За окном веселились дети. Разного возраста, лет от трех до десяти. Они все были одеты почти одинаково, но кто-то носил пальто попроще, а кто-то поновее и покрасивее. Все детки были обуты в валенки, я же глянула на Сонины сапожки из заменителя кожи, и отметила себе, что нужно купить ей обувь потеплее. Сегодня мороз давил не сильно, погода была очень мокрой из-за снегопада, но воздух все равно обжигал нос и щеки. Ноги в таких дешевеньких сапожках замерзают через несколько минут, может быть, поэтому дочь и заболела. Или ее продуло, что еще хуже.

Соня становилась еще более вялой. Она села на свои ножки и водила пальчиком по запотевшему от ее дыхания стеклу. Рисовала какого-то зверька, которых лично я никогда не видела ни в одном мультике.

– Кто это? – спросила с улыбкой.

– Не знаю, я его видела вчера и запомнила.

– Где же?

– Во сне.

Сны ей снились с завидной периодичностью, и в отличие от моих, дочь видела красочные и интересные сновидения. Мне она взахлеб рассказывала каждое утро как летала на мышах, и плавала в озере с русалками. Я слушала, подтверждала, что все это и правда существует, только не в нашем мире, и довольная дочка шла завтракать в хорошем настроении.

Сейчас ее сны мне не казались какой-то выдумкой, и я стала относиться к ним с большей серьезностью и вниманием. Слушала Соню, запоминала ее рассказы, а потом пыталась собрать все истории в одну, логически построенную. Все указывало на то, что ей снятся другие миры, вот только я не могла понять, почему.

В сновидение ребенка, конечно же, не верила, но вот в то, что она, как и я, обладает магией... возможно. Балдер говорил, что во мне скрывается какая-то сила, что мне нужно ее развивать, но сделать это получится, только прибыв в Молот. Я же не была готова рисковать сейчас, и выяснять у кого бы то ни было где обучаются магии. Мало ли как относятся здесь к одаренным, и что с ними делают.

Но дочь... ее я буду защищать, и до последнего беречь нашу маленькую тайну. Говорить людям о том, что мы с Земли, нельзя. Балдер предупреждал, что если кто-то узнает, меня тут же отправят к некоему Просветителю. Тот может помочь понять, что за сила во мне скрыта, но сразу после этого велика вероятность, что меня запрут в тюрьму.

Поэтому я молчала, и не говорила об этом даже дочери. Но теперь я начала бояться за нее. Пока Соне всего пять, и она полностью зависима от меня и моего мнения, но что будет когда она вырастет?

– Мам, печеньки готовы, – сказала она, не отрываясь от рисования.

Я прогнала ненужные мысли, еще раз обернулась к окну, и в ужасе едва не спрыгнула с подоконника.

ГЛАВА 7

У дома через дорогу стоял мужчина. Высокий, крепкого телосложения, с аккуратно уложенными волосами длиной до плеч. Он был одет в кожаный комбинезон, что в такую погоду совершенно нелогично, а сверху была накинута мантия. Но испугало меня то, что незнакомец стоял, засунув руки в карманы, и пристально, немигающим взглядом смотрел на наше окно.

– Сонь, пойдем посмотрим печенье?

– Кто это, мам?

– Просто прохожий.

И чего я так испугалась? Ну стоит и стоит, ничего плохого он не делает. Я еще раз взглянула в ту сторону, и перехватила взгляд мужчины. Меня словно парализовало. Я не могла двигаться, и дышала через раз. Все мое тело онемело, и от ужаса в жилах застыла кровь. Черные глаза незнакомца будто сканировали меня насквозь. Я могла смотреть в них, и тонуть, тонуть... Судорожно облизнула вмиг перосхшие губы. Мужчина отвернулся и быстро зашагал прочь, а я безвольно рухнула на пол.

– Мама!

Крошечные ладошки дочери трогали мои щеки, лоб, я же не могла собраться с силами, чтобы подняться.

– Все хорошо, просто голова закружилась, – ответила хрипло, и попыталась улыбнуться. Меня начало трясти, но в ту же секунду недомогание вдруг прошло и я сумела вдохнуть воздух полной грудью.

Видимо, происходит адаптация к другому миру. Сонька заболела, может и меня заразила. Я с трудом поднялась на ноги, улыбаясь дочке. Встревоженный ребенок полными страхом глазами смотрел на меня, а я ничего не могла объяснить. Ужасное чувство беспомощности съедало изнутри, не давало ясно мыслить, и мне хотелось осыпать Балдера проклятиями вслух и с матами. Но я не могла.

Молча добрела до печи, с помощью полотенца вытащила противень и, поставив его на стол, достала посуду из шкафа. Печенья переключевали в тарелку, и я отдала ее Соне. Собрала остатки продуктов в пакет.

– Идем в комнату? – позвала дочку за собой, и двинулась к двери.

Соня осторожно несла тарелку, делая маленькие шажки, из-за чего мне пришлось едва не плестись рядом с ней. Когда проходили через зал, то я услышала голоса за стойкой и что-то заставило меня остановиться.

– Не знаю, что он опять делает в городе, – ворчливо произнес незнакомый голос.

– Ищет кого-то, что ж еще, – ответил Доран.

Послышался звук, будто кто-то прихлебывает из кружки, и незнакомец вновь заговорил:

– Не нравится мне это. Совсем не нравится. Надо убираться из Вивлонда, пока не...

– Куда собрался? – хохотнул Доран. – Пока он здесь, ты из города не уедешь.

– С чего бы ему меня задерживать?

– С того что он ищет, и пока не найдет, все мы под его контролем.

Я перехватила пакет с продуктами поудобнее, потому что руки вдруг начали трястись, и я зашагала к комнатам. Соня уже ждала меня у двери, смотря на печенье голодными глазами. Я затормозила у стойки и улыбнулась, будто ничего не слышала и вообще только что подошла.

– Доран, а подают ли у вас чай с лимоном? За деньги, разумеется.

Мужчина вскинул голову. Я скользнула взглядом по его собеседнику – простой мужичок в драных штанах. В пышной бороде застряли хлебные крошки, а бровь над левым глазом была рассечена и зашита. Любят в Вивлонде драки, я смотрю...

– Асья сделает, выйди через пять минут, – отмахнулся Доран.

В комнате на какое-то время стало тихо. Соседи через стену или заснули, или ушли, но я была рада, что хоть ненадолго, но крики и визги прекратились. Соня хотела радостно скакать по кровати, но из-за слабости могла только лениво ходить по ней туда-сюда, и ждать, когда я разрешу взять печенье.

– Кушай, милая, – проговорила я устало. Больше никаких запретов, по крайней мере, в ближайшее время. Дома Соне было не разрешено есть сладкое до обеда, а здесь обед будет еще нескоро. Таскать больного ребенка на улицу мне не хотелось, поэтому я дождалась, когда дочь съест половину печенья, и сходила за чаем.

Ася принесла и поставила на стойку огромную кружку. Доран взял с меня медную монетку, и я мысленно подсчитала остаток денег – двадцать семь медяшек. Огромную сумму съели сутки проживания в “Ночлеге”, но с завтрашнего дня мы будем жить здесь в счет моей заработной платы. Глупая я, нужно было сразу спросить про работу!

Соня заснула сразу, как только выпила чай, и я заперла ее в комнате, а сама вернулась на кухню. У меня еще оставалась мука, из которой я собиралась испечь лепешки, и сделать это нужно было как можно скорее, пока дочь спит.

Ася копошилась тут же. Со мной она не разговаривала, даже не пыталась познакомиться, а я хоть и была интровертом и не любила болтать попусту, сейчас остро нуждалась в новых знакомствах.

Раскатывая тесто, я исподлобья наблюдала за девушкой. Она вымыла остатки грязной посуды, поставила вновь наполненный чайник на плиту, и вернулась к столам с тряпкой, чтобы протереть их.

– Как тебя зовут? – решила я на вопрос. Хоть и знала имя официантки, но не смогла придумать ничего другого.

Девушка глянула на меня без раздражения, скорее со скукой.

– Ася.

– А меня Алена, приятно познакомиться. Давно здесь работаешь?

Ася вздохнула, полоская тряпку в тазу.

– С детства, – бросив короткий ответ, девушка скривила губы. – Доран мой отец.

Я не удивилась. В моем родном мире устраивать к себе на работу собственных детей – распространенная практика. Ася не вела себя отталкивающе, поэтому я решила продолжить болтовню.

– Ты знаешь что-нибудь о том человеке, который кого-то ищет в Вивлонде? Я услышала краем уха, что он вновь вернулся, – я замолчала, обдумывая все ли верно говорю, и не кажется ли мой вопрос странным.

– Человеке? – грустно усмехнулась девушка. – Он никогда не был человеком.

Я в растерянности глянула на Асю. Мне-то казалось, что мы обсуждаем того мужчину, что я видела сегодня в окне, решила, что и Доран его видел, потому и завел разговор со своим другом. Но, видимо, я ошиблась.

– А кто же он?

– Дознатель Мировой магистрии, – ответила девушка. Мне показалось, что в ее голосе мелькнуло восхищение, но она тут же скривилась в отвращении. – Он, конечно, выглядит как человек, но в душе является монстром.

– Он делает что-то плохое? – я отправила первые две лепешки в печь, и повернулась к девушке. – Убийца?

– Можно и так сказать. Он является тем, кто казнит Путешественников, когда те нарушают закон.

– Только Путешественников? – сердце екнуло. Что-то мне подсказывало, что я знаю кого ищет этот мужчина.

– Да, – Ася уверенно кивнула. – Погоди, ты разве не слышала историю о нем? Мне казалось, ее всем детям рассказывают на ночь вместо сказок.

– Не слышала.

– То есть ты вообще ничего о нем не знаешь? – Ася так удивилась, словно я была единственным в этом мире человеком, который никогда не слышал о дознавателе. Возможно, так оно и было, поэтому я решила во что бы то ни стало расспросить новую знакомую.

– Расскажи, пожалуйста. Мне правда интересно... Думаю, я его видела сегодня.

– О, тоже заметила? – хихикнула Ася. – Он заходил вон в ту лавку через дорогу, – девушка махнула рукой в сторону окна.

– Так чем он так знаменит? Только убийствами?

– Эйден Рэнольд... – задумчиво протянула Ася, глядя куда-то в пустоту. – Великий маг из другого мира. – Девушка отмерла, и дальше рассказывала уже бодрым веселым голосом с каплей восторга. – Его привели из Расстуина. Один из Путешественников отправился в тот мир, тогда еще не зная с какой периодичностью появляется портал. Прошло много времени, исследователя уже никто не ждал обратно, но он вернулся спустя семьдесят лет. Но не один. Господин Ниборг привел с собой двухлетнего мальчишку, сказал, что он необходим нашей магистерии. Просил беречь и обучать, но первым делом привел его к Просветителю. Там-то и выяснилось, что малыш Эйден обладает просто поразительной силой, и способностью видеть людей насквозь. Разумеется, такая сила Мировой магистерии была необходима, к тому же, дети Эйдена получают от отца его магию, и так же как и он станут дознавателями в магистерии.

– А что с тем Путешественником? Ну, с господином Ниборгом?

– Умер, конечно. Еще тридцать пять лет назад, сразу, как только привел Эйдена. Он вернулся из Расстуина уже дряхлым стариком, лет сто ему было...

– Все равно не понимаю, как можно было украсть чьего-то ребенка и утащить его в другой мир. Зачем?

– Господин Ниборг сказал, что такие маги, которые живут в Расстуине, нашему миру просто необходимы и он, цитирую: “Взял образец”.

– То есть он выкрал дитя ради выгоды родного мира?

– Ага, – беззаботно ответила Ася, снимая закипевший чайник с плиты. – Ну что ты так удивляешься? В магистерии творятся такие дела, до которых простому смертному дела быть не должно.

– Отвратительно, – пробормотала я, раскатывая последний пласт теста.

В голове не укладывалось все что рассказала официантка. Представила, что мою малышку кто-то заберет и утащит не пойми куда, и меня подтряхнуло от злости. Я бы уничтожила Молот на месте родителей Эйдена. А раз они такие сильные маги, то наверняка могут это сделать, разве что ждать открытия портала еще лет тридцать-сорок. Вот придут они через сорок лет, и куда все Молотцы будут бежать?

– Если ты думаешь о детях Эйдена, то у него их нет, – донесся до меня голос Аси. – Никого нет, и неизвестно когда будут.

– Сколько ему лет?

– Тридцать семь. Как ты понимаешь, времени на то, чтобы обзавестись наследниками, остается очень мало.

– Еще совсем молодой, – пожала я плечами, а про себя добавила: “Но на его месте я бы отказалась от деторождения, чтобы не уготовить им такую же судьбу как и его собственная”.

В зале раздались громкие голоса, дверь качнулась на петлях и на кухне появился Доран.

– Ася! Выйди, у нас гости, – потом мужчина перевел взгляд на меня. Вскинул руку, останавливая уже собравшуюся идти в зал дочь, и прищурившись, произнес: – А давай-ка новенькая выйдет.

– Но... – я и отказаться не успела, как Доран тут же меня переубедил.

– Неделя проживания бесплатно.

– Уже бегу! – я подскочила к печи, достала из нее горячие ароматные лепешки. Положив их на тарелку и сглотив слюну, поспешила в зал.

– Блокнот возьми, – Ася пихнула мне в руку тоненькую книжицу и карандаш.

Едва распахнув двери, я пожалела, что согласилась на просьбу Дорана. За столом у камина сидел тот мужчина, которого я видела в окно. Это и был Эйден Рэнольд, я даже не сомневалась. После того как Ася описала его, я не могла себе представить, что дознаватель Мировой магистерии выглядит как-то по-другому.

Только так. Его мощная энергия сбивала с ног, заставляла все мое тело дрожать и только чудом я смогла удержаться от того, чтобы не сбежать в ужасе куда глаза глядят.

Эйден терпеливо ждал, пока я соберусь с духом. Кажется, он даже наслаждался тем, какой эффект произвело на меня его присутствие. Страх. Эйден Рэнольд обязан вызывать страх у всего живого, чтобы никто не смел ослушаться и нарушить закон.

Но меня волновало другое. Если Эйден узнает, что я знакома с Путешественником, которого ищет весь этот крошечный городок, то я боюсь представить, что со мной могут сделать.

Собрав всю волю в кулак, я шагнула к столу с улыбкой.

– Добрый день! Желаете сделать заказ уже сейчас? – я приготовилась записывать. Никогда не была официанткой, но примерно представляла принцип работы.

– Стейк, – ответил гость тихо. Голос его был бархатистым, спокойным, и меня будто обволокла мягкая теплая пена.

Я улыбнулась уже искренне. Мне нравился Эйден.

– Что-нибудь еще?

– Нет, благодарю.

Мужчина едва заметно взмахнул рукой, и меня в сторону кухни будто подтолкнули невидимые руки. Стоило двери в зал остаться за спиной, как меня словно окатило ледяной водой. Я боялась Эйдена, и выходить к нему снова не хотела!

– Что-то случилось? – Ася выглядела обеспокоенной. – Кто там?

– Эйден Рэнольд, – ответила я хрипло, сжимая блокнот в руках так сильно, что костяшки пальцев побелели.

– Оу... Папа? – девушка обернулась к сидящему за столом мужчине. – Зачем ты его впустил?

– Замолчи! – Доран приподнялся с места, и добавил едва слышно: – Что я должен был сделать? Запереть дверь перед носом главного дознавателя?!

– Поест и уйдет, – буркнула я, дрожащими пальцами вырывая листок из блокнота. – Он заказал стейк.

– Мясо не прожаривай слишком сильно, – скомандовал Доран дочке, направляясь в зал. – Господин Рэнольд любит мясо с кровью.

Мы с Асей скривились в отвращении, переглянувшись, когда дверь за Дораном закрылась.

– Ты встречала его раньше? – спросила я, наблюдая за тем, с какой любовью девушка солит и перчит кусок мяса.

– Нет, никогда. Я только слышала о нем, а еще видела портрет в одной из книг по истории Севера... Нарезь, пожалуйста, картофель, и пожарь со стручковой фасолью.

Я вытащила обозначенные продукты из кладовой, и принялась за дело, а Ася в это время уже выкладывала на тарелку ароматный стейк. Мясо едва схватилось, внутри оставаясь полностью сырым. К нему были готовы жареные овощи спустя несколько минут, и это значило, что мне снова пора в зал.

– Я бы вышла сама, но папа... – Ася поморщилась. – Он приказал вообще не показываться на глаза господину Рэнольду.

Я глубоко вздохнула, подхватывая тарелку. Улыбаться, главное, улыбаться и быть любезной, и тогда Эйден решит, что я о нем ничегошеньки не знаю.

ГЛАВА 8

В зал вышла, уже приготовившись вздрогнуть от страха, но ничего не почувствовала. За столом сидел обычный мужчина, а не страшный ужасный главный дознаватель. Никакой темной энергии вокруг него на этот раз не было, а на меня Эйден и вовсе не смотрел.

Я поставила перед ним тарелку, положила на тряпичную салфетку столовые приборы, и спокойно вернулась на кухню.

Ася пекла для меня лепешки. Когда я вошла, она вытащила из печи третью, последнюю, и положила на тарелку к тем двум что я уже испекла. Я поблагодарила девушку и отправилась к себе в спальню. Проходя через зал, зачем-то обернулась на Эйдена, и вновь столкнулась с ним взглядом. Что-то внутри меня вспыхнуло, но тут же погасло, оставляя после себя чувство опустошения.

Оно мучило меня до тех пор, пока я не скрылась за дверью, ведущей к комнатам.

Эйден Рэнольд определенно обладал очень странными магическими способностями. И желанием пугать людей, вот это уж точно.

Соня уже не спала, и я отругала себя за то что оставила дочь одну. Она сидела на кровати растерянно хлопая сонными глазками, а увидев меня расплылась в улыбке.

– Я готовила нам ужин, – виновато улыбнулась и я. Оставила тарелку на прикроватной тумбочке и чмокнула дочь в лоб. Жар не спал, кажется, наоборот усилился. – Но сначала нужно выпить таблетки, хорошо?

– Фу-у-у, – скривила она губки.

– Надо, милая. Ты заболела, а к доктору мы не попадем, понимаешь?

Соня снова скривилась. Она всегда так делала, когда ей что-то не нравилось, но выполняла просьбы беспрекословно. Таблетку я разломилась на две части, и одну протянула дочери. Соня запила невкусную пилюлю остатками чая, и без аппетита покосилась на лепешки.

– Я не хочу есть, мам. Хочу спать.

Насильно кормить ее я не стала. Укутала дочку в одеяло, и легла рядом.

– Спи, я побуду с тобой пока ты не проснешься, – шепнула ей на ухо.

Что ж, сегодня на поиски работы мы не идем. Я не потащу больного ребенка на улицу, хоть там и не сильно холодно, а завтра мне уже выходить на работу на кухню. Если в “Ночлеге” всегда так мало гостей, то у меня будет время на дочь, пусть ей и придется находиться со мной на кухне, но это все же лучше чем одной в комнате, где даже мультики не посмотреть.

Пока я даже слабо не могла себе представить наше будущее. Соня заболела так не вовремя! Нет, болезнь никогда не бывает вовремя, но почему именно сегодня, когда мы только только прибыли в Молот?

Дочь мирно сопела, иногда покашливая во сне. Я гладила ее по руке, а потом села на кровати и с жадностью вгрызлась в лепешку. Желудок тут же радостно заурчал, и свою порцию еды я проглотила буквально за минуту. Этого достаточно для того, чтобы продержаться еще день.

За окном вновь началась метель. Сквозь щели в оконной раме в комнату попадал сквозняк, так что мне пришлось надеть пальто. Одеяло было для Сони, но и оно ее не спасало от холода. Впрочем, дочка не мерзла. Она словно горела в огне из-за температуры, а я прижимала ее к себе и старалась не плакать. Так мы пролежали до самой ночи. Я и глаз сомкнуть не могла, боялась что усну, а Соне станет еще хуже. Хотя, что я могла сделать?

Ветер вдруг резко затих. Снежинки за окном застыли в воздухе, и время будто остановилось. Я попыталась повернуть голову в сторону двери, услышав скрип, но не смогла. Меня парализовало так же как уже было сегодня днем, и совсем глупой надо быть, чтобы не понять кто пришел.

– Забирай ее, – раздался в мертвой тишине уже знакомый голос.

Меня окатило волной ужаса, но я не могла пошевелить и пальцем. С паникой смотрела, как руки, обтянутые черными кожаными перчатками, вытаскивают Соню из-под одеяла, как она куксится, начинает дергаться и распахивает глаза.

– Мама! – Дочь пыталась кричать, но из-за больного горла могла только сипеть.

“Нет, нет, нет!” – орала я мысленно. Во мне бушевала ярость, я готова была разорвать Эйдена на части прямо в этой комнате, но могла только лежать, а моя рука, которой до этого я обнимала Соню, висела в воздухе недвижимо.

– А с этой что делать? – спросил тот, кто забрал девочку, явно имея в виду меня.

Ему не ответили. Послышались шаги, дверь хлопнула, и в этот же миг все вновь ожило. Комнату наполнил свист ветра, шум с улицы, и громкие разговоры за стеной. Оцепенение прошло, я вскочила с кровати и бросилась к двери.

– Соня! – мой крик разнесся по пустому коридору. – Эйден! Соня!

Их не было. Словно растворились в воздухе! Я бросилась в зал. Пусто. Выбежала на улицу, в лицо тут же прилетела горсть колючих снежинок, волосы растрепались от порыва ветра.

– Соня!

Из глаз брызнули слезы. Я бежала вдоль дороги, звала Эйдена, звала дочку, но их словно здесь и не было! Люди мирно спали в своих домах. Пару раз я слышала окрик из открытых форточек, но когда я спрашивала появившихся в окнах людей, видели ли они двух мужчин и девочку, мне никто не отвечал. В тот же миг люди прятались, захлопывая форточки.

Меня кто-то схватил за плечо и развернул. Доран шурился от снега, и что-то кричал мне на ухо. Я не слышала. В голове звенел колокол, заглушая все остальные звуки.

– Алена! – рявкнул наконец Доран, и я отмерла.

Схватила его за руки.

– Где Эйден? Ты видел его? Они забрали Соню!

– Живо назад!

– Доран, ты видел их?!

Мужчина схватил меня за локоть и потянул к “Ночлегу”, я пыталась вырваться, но сил не хватало. Кричала, просила сказать мне куда унесли моего ребенка, но Доран словно не слышал. Тянул меня к ночлежке, и в какой-то момент подхватил на руки и перекинул через плечо. Я больше не сопротивлялась.

Когда дверь за нами захлопнулась, мужчина усадил меня за стол и сел рядом. Из кухни выглянула взволнованная Ася.

– Принеси чай, – бросил ей Доран, и девушка тут же скрылась за дверью. Мужчина повернулся ко мне. – Я догадываюсь куда увели Соню. Он всех туда уводит. Но сейчас тебе туда не добраться, слышишь? Завтра утром встанешь и я отвезу тебя до главной дороги, дальше пешком.

– Сейчас!

– Завтра! На улице метель, ты и ста метров не пройдешь.

– Зачем она им? – я снова разревелась. Руки тряслись словно у пьяницы, я схватила Дорана за лацканы драненького пиджака и трянула. Попыталась трянуть. Мужчина даже не шелохнулся. – Ей пять лет, что они с ней сделают? Зачем она им? Он должен был забрать меня, меня!

– Не знаю я! Эйден никого не забирает просто так. Значит так было нужно. По-хорошему, я должен выгнать тебя, чтобы он снова не пришел, но твое счастье что я добрый человек. Да прекрати реветь!

Я вздрогнула, и вытерла мокрые щеки. Слезы лились сами по себе, хоть я и понимала, что плач никак не поможет. Ася принесла чай, Доран заставил меня выпить половину кружки

залпом, и только тогда я немного успокоилась. Голова прояснилась, в мыслях стало появляться что-то наподобие плана.

– Куда он ее унес? Почему? – повторяла как заведенная, и Доран терпеливо отвечал.

– Почему – не знаю, но знаю куда. Успокойся, утром отвезу.

– Он будет ее пытаться?.. Зачем ему Соня? Он ведь казнит только Путешественников! Он хочет знать где Балдер Нел? Я не знаю, где он, не знаю! Почему Эйден не забрал меня? Что может сказать ему маленький ребенок?

Я выдохнула последний вопрос и глаза стали слипаться. Пыталась противиться сну. Вско-чила со скамейки, попрыгала, потеряла лицо руками...

Меня заволокла тьма, и я отключилась. Последнее что помню, как сильные руки подхва-тили мое безвольное тело.

Приходила в себя постепенно. Сначала появились звуки метели за окном, потом я почув-ствовала запах свежего хлеба. Распахнула глаза и обвела взглядом свою комнату. Я лежала на кровати, а на стуле напротив сидела Ася. На тумбочке рядом стояла кружка молока и ломоть горячего хлеба. Девушка, увидев, что я очнулась, поднялась с места.

– Уже утро, Алена.

Я села на постели. Горло жгло словно огнем, лицо опухло от невыплаканных слез. Молоко помогло прокашляться, и я смогла заговорить.

– Доран обещал меня отвезти, – я выпуталась из одеяла и бросилась к двери.

– Он ждет на улице в повозке! – крикнула Ася, когда я была уже в коридоре.

Вылетела на улицу, схватила ртом обжигающий холодом воздух и осмотрелась. Повозка, запряженная черным жеребцом, стояла справа от ночлежки. Когда я подбежала к ней, Доран открыл дверцу.

– Залезай, давай.

Повозка сорвалась с места, едва я успела упасть на сиденье. Голова еще была туманной ото сна, желудок урчал, переваривая молоко, и меня затошнило. Плохое самочувствие послед-нее время часто преследовало меня, когда мне приходилось после сна резко встать. Высокое давление и тошнота это еще не самое худшее, и через какое-то время меня снова поклонит в сон.

Я стискивала зубы, и молча смотрела в окно. За ним мелькали дома, узкие улочки, магазинчики украшенные сотнями разноцветных огоньков. Вскоре городок остался позади, и повозка покатила по широкой расчищенной дороге.

– Алена, слушай меня и запоминай, – Доран повернул меня к себе, ухватив за плечо. – Я высажу тебя у подножия горы, дальше лошадь не пройдет. Поднимешься до середины, там увидишь дорогу ведущую направо. Эйден Рэнольд живет недалеко от поселения дроу... Ты меня слушаешь?

Я кивнула. Кажется, я даже не мигала все то время пока Доран говорил.

– Не сворачивай с пути! Темные эльфы не любят гостей, и лучше к их домам не прибли-жаться.

– Эйден – дроу? – спросила я, даже не понимая значения этого слова.

– Нет, но близок им по духу. Его замок стоит на отвесной скале, дорога к нему свободная и не охраняется.

– Эйден настолько бесстрашен? – грустно усмехнулась я, в душе радуясь, что меня не схватят стражи.

– Он настолько в себе уверен, – сквозь зубы ответил Доран. – Ты увидишь замок издалека. Пустят ли тебя внутрь, я не знаю, но все что я могу – это отвезти тебя к горе. Мне тебя жаль, но не настолько чтобы переходить дорогу главному дознавателю.

Я вновь отвернулась к окну. Вскоре, горы, виднеющиеся на горизонте, стали увеличиваться на глазах, и вот уж не было видно их вершин. Лошадь остановилась возле узкой тропинки, ведущей наверх.

– Удача тебе понадобится, – пробормотал Доран, когда я вылезла из повозки.

Захлопнув дверцу, развернулась лицом к горе, и мысленно прикинула, сколько времени займет подъем. Слишком много, решила я, но как оказалось, я еще и приуменьшила.

ГЛАВА 9

Солнца на небе не было видно, да и в целом, в Вивлонде словно всегда был ранний вечер. Когда еще не темно, но и не светло, и определить время суток было просто невозможно.

Какое-то время я пыталась считать минуты, но когда они стали складываться в часы, плюнула на это дело. Ноги меня уже не слушались от усталости, а лицо и руки от холода заledenели так, что я их почти не чувствовала. Нос и щеки чесались, кажется, начинается обморожение.

Дорога уводила далеко наверх, но она и не думала заканчиваться. Когда сумрак сменился темнотой, а пурга усилилась, я была практически без сил. Несколько раз думала развернуться и пойти назад, потому что мне упорно казалось, что я пропустила тропинку ведущую к замку Эйдена, но когда я на это решилась, дорожка вдруг свернула вправо.

Я потерялась во времени, знала только, что уже наступила ночь. Каждый шаг отдавался болью в пятках и коленях, дважды я падала на снег и просто лежала несколько минут, собираясь с духом. Я больше не плакала. Слезы застыли бы тут же, и тогда с кожей на моем лице можно было смело попрощаться.

Сколько еще идти до замка я даже не представляла, потому что дальше, чем на расстоянии вытянутой руки, ничего не было видно. Ветер свистел в ушах, задувал под воротник, кусал голые руки. Тропинка же оставалась чистой, снег ее не заметал, но я обратила на это внимание, только когда порывы ветра вдруг стихли.

Вокруг наступила такая тишина, в которой отчетливо был слышен стук моего сердца и как течет по венам кровь. Эта тишина оглушала, пугала, но заставляла идти вперед еще быстрее.

Не знаю, сколько времени я бы еще продержалась, но прямо передо мной вдруг выросла стена. Я моргнула, но преграда не исчезла, зато я смогла рассмотреть небольшие ворота. Они были распахнуты настежь, словно меня ждали.

Я шагнула за ворота, остановилась и осмотрелась. Пустой двор перед небольшим, но все же, замком, был чист от снега. Землю сковал прозрачный лед, сверкающий и чистый, а посреди этого импровизированного катка была выложена каменная дорожка ведущая к главному входу.

Я ступала осторожно, постоянно оглядываясь, хотя очень хотелось бежать. Меня настораживала тишина и покой, царивший здесь. Дознаватель не ждал меня? Наверняка нет.

Но стоило мне подойти к двери, как она тут же распахнулась. Я шагнула за порог, и снова настороженно осмотрелась. В холле отсутствовала мебель, стены были голые, а пол, выложенный мрамором, сверкал в свете сотен свечей висящих в воздухе под потолком.

Мое внимание привлекла лестница, волной уходящая наверх, и так как других выходов я не видела, то двинулась к ней. Ступенька за ступенькой преодолела ее, и наверху снова остановилась, прислушиваясь к тишине. На втором этаже был широкий коридор с потолками не меньше пяти метров. Дверей не было видно ни одной. Просто голые ровные стены. В любой другой момент меня бы уже накрыла паника, но все нервы были потрачены там, на той узкой горной тропе.

Я собрала остатки сил и во весь голос закричала.

– Эйден Рэнгольд!

Мой голос прозвучал слишком громко в огромном пустом помещении, отразился эхом от стен и еще несколько секунд я слышала свой крик. Что-то где-то звякнуло. Я завертела головой, напрягла слух, но в замке вновь повисла тишина. Я уже готова была сдаться, сесть на ступеньки и просто ждать, но тут вдруг в стене напротив меня, камни стали растворяться в воздухе, образовав проход в стене.

Мне не нужно было особого приглашения, я рванула в проход в ту же секунду, и уже за порогом упала на пол. Перед глазами потемнело, вновь вернулось головокружение. А вокруг появились звуки. Я слышала ветер, чьи-то тихие голоса, и...

– Мапочка!

Соня? Соня! Новый прилив сил позволил мне подняться на ноги. Мне пришлось постоять несколько секунд с закрытыми глазами, чтобы не свалиться в обморок, и только потом я смогла увидеть, где нахожусь.

С небольшого возвышения в конце круглого зала спрыгнула Сонька и уже бежала ко мне. Она махала ручками, и улыбалась. Ее радость повергла меня в ступор. Дочка не была напугана, а я ведь ожидала... да чего я только себе не представляла за то время, пока шла сюда!

Соня с разбегу запрыгнула мне на руки, и их тут же свело, но я еще крепче прижала дочку к себе. От усталости не могла ясно мыслить, и находилась словно в бреду. Только вдохнув запах волосиков ребенка, пришла в себя.

На возвышении стояло деревянное кресло с высокой спинкой, в нем сидел дознаватель, а рядом с ним по левую и по правую руку находились двое мужчин.

Один из них был одет в синюю мантию, усыпанную сверкающими камнями, второй был полностью облачен в черный плащ с широким капюшоном, закрывающим половину лица.

Эйден Рэнольд смотрел на меня задумчиво. Не будь в моих руках Сони, я бы вцепилась ему в горло, но могла только стоять на одном месте, в ярости стискивая зубы.

– Мам, мы играли. Дядя сказал, что ты сегодня не придешь и меня уже хотели уложить спать. Но как спать без твоей песенки? Дядя отказался петь. Я его учила, учила, но он не запомнил ни слова!

До меня не сразу дошло, что лепетала Соня, а когда поняла, то взглянула на нее растерянно. Она... что делала? Учила Эйдена петь?

– Подойди, – раздался громкий голос в наступившей тишине.

Я двинулась к возвышению, остановилась напротив него и попыталась взглядом испепелить дознавателя. Жаль, что во мне не было магии, позволяющей убивать людей на расстоянии, не касаясь их.

– Думаю, и так все видно, – мужчина, тот что был в синей мантии, повернулся к Эйдену.

– Она пришла, значит связь есть.

Дознаватель отмахнулся, скучающе глядя на меня.

– Кто помог тебе?

– Никто.

– Лгать в этих стенах не принято.

– Я забираю своего ребенка и ухожу, – мне было страшно говорить это, кто знает, что в голове у чокнутого мага. – Не знаю, что за розыгрыш вы устроили, но он мне не понравился.

– Ты не уйдешь. Точно не сегодня.

Я собиралась уже ответить что-нибудь грубое, но Соня шепнула:

– Меня вкусно накормили, и даже дали пирожное. На улице холодно, мам.

– Твоя дочь смысленнее тебя, – вдруг проговорил мужчина в черном.

До боли знакомый голос...

Мужчина сдвинул капюшон совсем немного, лишь открывая лицо, но тут же опустил его вновь, пока Соня не успела увидеть. А я едва сдержалась, чтобы не закричать.

– Ты! – только и смогла выдохнуть, отступая на шаг.

– Не совсем, но да, – ответил Олег. – Мое имя Ритон Мойс.

Эйден едва заметно махнул рукой, прервав Олега... Ритона.

Ритон?!

– Я сам все расскажу. Заберите девочку и передайте в руки Грейс.

– Я сама ее уложу! – прошипела я сквозь зубы, обнимая дочь еще крепче.

– Не сопротивляйся, тебе это не поможет, – буркнул Ритон, силой выхватывая ребенка из моих рук.

– Спокойной ночи, мама! – малышка обняла мужчину за шею, и помахала мне ручкой на прощание.

Мы с Эйденем остались наедине в пустом помещении без окон и дверей, но в котором почему-то гулял ветер. Он не чувствовался, но свист сквозняка отражался от стен, а по полу поползла изморозь, стоило магам унести Соню. Подошвы моих ботинок примерзли к полу в прямом смысле слова. Я не могла поднять ноги, будто приклеилась!

– На всякий случай, – коротко объяснил Эйден. – Вижу, в тебе злости больше чем во всех дроу мира.

– И конечно же, понимаешь почему я зла, так? – я даже не пыталась быть вежливой.

– Честно сказать, удивлен, что ты еще с порога не бросилась на меня с кулаками.

– Не при дочери, – выплюнула я, снова дернувшись, в надежде что смогу оторвать ноги от пола. – Почему Олег здесь? Или как его теперь зовут, Ритон?

– Не теперь. Моего помощника всегда так звали.

– Твоего помощника?!

Эйден поморщился. Облокотился о подлокотник и уронил голову на ладонь.

– Если ты помолчишь, я расскажу все по порядку, начиная с того самого дня, когда вы познакомились с Ритоном.

– Я прекрасно его помню. Мы учились вместе!

– А вот и нет.

– Да! – выкрикнула я, но тут же прикусила язык. Что, если я не права, и все на самом деле по-другому? – Хорошо, я слушаю.

– Десять лет назад Ритон был отправлен на Землю с одной целью – отыскать людей в которых есть зародыш магии. Это частая практика у Просветителей, ничего необычного. Молоту не хватает по-настоящему сильных магов, и приходится искать их в других мирах. К тому же, лишая Земли магически одаренных людей, мы защищаем себя от того, что однажды земляне отыщут порталы и придут сюда.

Эйден плавно поднялся из кресла, сунул руки в карманы и легко спрыгнул с возвышения. Встал напротив меня.

– Ритону предстояло жить в вашем мире десять лет, а когда Путешественники и Просветители уходят на такой длительный срок, то им позволено жить полной жизнью. Заводить отношения, друзей, и даже ходить на работу, если они того хотят. Ритон предпочел пойти учиться в институт, где и встретил тебя.

– Не знаю, что из себя представляет ваш помощник, но на Земле он был Олегом. Моим мужем, с которым у нас общий ребенок!

– Не общий, только твой.

– Как это? – я ошарашено взглянула в глаза Эйдена.

– Ритон поддерживал с тобой отношения со дня знакомства всего неделю, а потом, если ты помнишь, вы поссорились.

– Он не отвечал на звонок, когда я ждала его у кинотеатра...

– Его телефон выключился, а Ритон, в силу неопытности в общении с вашими технологиями, не смог включить. На следующий день ты пришла в институт и под села к одному парню... Помнишь его?

– Я села рядом с Олегом, решила вычеркнуть из головы произошедшее вечером, и начать все заново, – проговорила я, в точности вспоминая тот день. Это было десять лет назад, но я до сих пор помнила все.

– Да, имя у того парня – Олег, точнее, его всегда так звали, с рождения. Но выглядел он по-другому до того момента, как Ритон не наложил на него иллюзию. Десять лет ты строила

отношения с человеком, которого считала тем, с кем и познакомилась в первый учебный день. А не заметила разницы в поведении, потому что с Ритоном вы были знакомы всего неделю.

Я открыла и закрыла рот, так и не найдя что сказать. Эйден говорил что-то странное... Какую еще иллюзию?

– То есть... Не понимаю я. Так кем мне приходится ваш помощник?

– Никем. Вы едва знакомы. Твой муж, настоящий Олег, остался на Земле, где ты его и оставила.

– Допустим, я поняла все, что ты только что сказал. Хотя и в голове не укладывается, зачем Ритону нужно было делать такие манипуляции.

– Баловство, – скривился Эйден. – Я запрещал ему применять иллюзию на ком бы то ни было, но уследить за ним было невозможно на таком расстоянии.

– Хорошо, оставим Олега... Ритона... Черт с ними обоими! Причем здесь Соня?

– О, тут все просто. Когда Ритон нашел тебя, то понял, что в тебе есть редкая сила. Но тебе уже было восемнадцать, и когда спустя десять лет должен был открыться портал, магия в тебе уже бы заснула навсегда. Это случается в двадцать восемь лет. Нельзя было этого допустить, поэтому Ритон все годы следил за тобой. Ты родила Соню, и твоя магия передалась ей, а это значит, что редкая сила не потеряна.

Эйден медленно обошел меня по кругу, рассматривая, будто оценивая.

– За месяц до открытия портала он заставил твоего мужа совсем чуть-чуть озлобиться... Мне жаль, я прошу прощения за своего непутевого помощника, ему не хватило мозгов придумать другой способ отправления тебя и Сони в Молот. Ритон был знаком с Балдером Нелом, который двадцать лет назад и сообщил нам о тебе. Балдеру было приказано рассказать тебе о портале в Молот, и все надеялись, что уже спустя десять лет ты с радостью в него побежишь, но увы.

– Сложную схему вы придумали...

– Мы могли сделать все куда проще, но похищением людей я не занимаюсь.

Мне показалось, или в голосе Эйдена проскользнуло отвращение?

– Ты должна была сама захотеть сбежать с Земли, на это и был расчет.

– Олег избивал меня, а потом ударил Соню. Это из-за Ритона? Ритон его заставил?

– Я уже извинился за него, – мужчина вскинул бровь, глядя мне в глаза. – Если есть желание, можешь его побить, но позже.

– Хорошо, мне понятна тупая система вашей магии, – проговорила я, нисколько не заботясь о том, что и кому говорю. – Вчера вечером вы пришли за Соней, а сегодня позволили мне ее найти. Почему?

– Чтобы удостовериться, что она действительно твой ребенок и переняла твою силу. Дорога привела тебя к моему замку, потому что здесь была Соня. Если бы Соня не была от твоей крови, ты бы сгинула в снегу, так и не найдя правильный путь.

– А просто проверить Соню у Просветителя нельзя было?

– Можно, и я сделал это еще вчера, но ничего не увидел. Твоя дочь еще слишком мала, сила проснется не раньше чем через пять лет. Может раньше, может чуть позже, но прямо сейчас девочка пустышка, обычный ребенок.

– И ты нас не отпустишь ближайшие пять лет, так?

– Отпущу, зачем вы мне сейчас? Вы уже в Молоте и никуда отсюда не денетесь. Даже если ты увезешь свою дочь на другой край мира, я вас все равно найду.

Изморозь с пола исчезла. Я пошевелила ногой и с удивлением обнаружила, что больше не приклеена.

– Где Балдер Нел? – спросила, отходя от Эйдена на почтительное расстояние. На всякий случай. Во мне все еще кипела ненависть к дознавателю.

– Казнен еще вчера, – отмахнулся мужчина, а я так и застыла с открытым ртом.

– За что?..

– Он нарушил закон, – пожал плечами Эйден. – Завел семью на Земле, а плодить потомков, находясь в командировке, запрещено. Ритон привел его в тот же день, когда ты пришла в Молот, но через портал, который находится в другом регионе.

– Их несколько?

– На данный момент пять.

– Если бы ты пришел ко мне вчера и спросил, родная ли мне Соня, я бы ответила правду и даже выслушала тебя. Очевидно, ты надеешься на то, что моя дочь однажды примкнет к магии, и позволь ты мне сразу все узнать, я бы согласилась на это. Ну а так... – я шумно втянула носом воздух, стараясь выровнять дыхание. – Я бы хотела забрать Соню и уйти. Мы прибыли в Молот с одной целью – спастись от мужа и отца, найти укрытие в чужом мире, и начать другой, счастливой жизнью.

– Хреново получается пока, да? – усмехнулся Эйден, чем разозлил меня еще больше. – Но я не стану тебе препятствовать до тех пор, пока Соня не имеет силы. Живите, вас никто не тронет. Более того, Балдер оставил вам наследство. Не знаю, что вы с ним будете делать, это уже не мое дело.

Эйден посмотрел вверх, щелкнул пальцами в воздухе, и с потолка в его руку медленно спланировал сверток, перевязанный красной лентой.

ГЛАВА 10

– Здравствуй, Алена, – прочитал Эйден, развернув сверток. Бросил на меня мимолетный взгляд, убеждаясь, что я слушаю. – Я рад, что ты читаешь это, значит ты уже в Молоте. Надеюсь, все у тебя хорошо. В моем доме я оставил тебе небольшую сумму. Все, что у меня было...

Дознаватель хохотнул, а я скривилась. Мы оба понимали, что Балдер нагло врет.

– ...мой дом и свечная лавка остаются тебе. Считай, что это мой тебе подарок на новоселье.

– Вот уж спасибо, – пробормотала я, а когда Эйден глянул на меня непонимающе, объяснила: – На следующий же день после того, как мы поселились в доме, в него забрались грабители. Я думала, что грабители, но, как выяснилось, Балдер Нел должен местным жителям огромную сумму денег. Видимо, пришли за своим.

– Это он написал перед казнью, – Эйден свернул пергамент в трубочку и вновь скрепил его атласной лентой. – Он собирался остаться жить на Земле. Отрекся от родного мира, от клятвы, данной магистерии. Глупый, глупый Балдер... Профессионал своего дела, а влюбился, и разум затуманился.

– Где находится свечная лавка, он сказал?

– Здесь все написано, – мужчина сунул мне в руки пергамент. – Сегодня вы с дочерью переночуете в моем доме, а завтра отправлю вас в Вивлонд.

“Нам больше некуда идти”, – подумала я, ясно понимая, что Доран меня и на порог не пустит. Но вслух сказала:

– Отведи меня к Соне.

– Ты найдешь ее спальню самостоятельно. В этом замке нет лишних дверей. Эйден легко взмахнул рукой и в стене появился проход.

– Прямо и направо. Там единственная дверь.

Я тут же поспешила на выход. Выскочила из зала, повернула направо и, как и сказал дознаватель, дверь была всего одна. Я отворила ее и тихонько прокралась в комнату.

Спальню мне и дочери выделили роскошную! В ней был огромный камин, в котором сейчас трещали поленья, пожираемые пламенем, и в комнате было очень тепло. На каменном полу лежали толстые шкуры, окна были занавешены плотными порттьерами, а стены обиты темно-синим бархатом. На широкой кровати под тяжелым балдахином мирно спала Соня, а рядом с ней на стуле сидела седовласая женщина.

Она встрепелась, стоило мне подойти к постели, и шепотом поздоровалась.

– Как она? – едва слышно спросила я, кивнув на дочку. – Вчера у нее был жар и кашель.

– Господин вылечил ее едва принес... – ответила женщина, пряча взгляд. – Не знаю уж, что между вами произошло, но вы бы... поаккуратнее с ним. Господин Рэнольд бывает категоричен...

– Давно его знаете?

– С малых лет. Я была гувернанткой при дворе короля, когда малыша Эйдена привели в замок. Он не плохой человек, но часто бывает жесток. И мой вам совет... Простите, мне пора, – нянечка спохватилась, поправила на голове платок и поспешила к выходу.

– Добрых снов, – пожелала я ей, когда женщина уже ступила за порог.

– И вам счастливых сновидений, – она обернулась на миг и добавила уже тише: – Пусть будет с вами создатель удачи.

Я скинула пальто, ботинки и мышкой юркнула под пушистое одеяло. Как бы ни было противно находиться в замке дознавателя, день и половина ночи, проведенные в горах, давали о себе знать. Я не хотела ни есть, ни пить, только закрыть глаза и поскорее заснуть, прижимая

к себе дочку. Соня лениво зевнула, приоткрыла один глаз и, увидев меня рядом с собой, вновь заснула.

Я старалась расслабиться, чтобы замерзшее тело не дрожало так сильно, но согреться никак не получалось. Слишком холодно было в пути, и жаркий огонь от камина сейчас не помогал. Наконец сознание заволокло туманом, и уплыло в темноту.

Утро наступило для меня неожиданно. За окном только-только занимался серый рассвет. На Земле он наступал не раньше восьми часов утра, а сколько сейчас времени в Молоте, мне было неизвестно. Окинула взглядом комнату, поняла, что мне вчера все это не привиделось, и устало вздохнула. Но нас сегодня отпустят, и это хорошо. Впрочем, если бы Эйден Рэнольд решил запереть нас в замке... Нет, я бы очень хотела показать ему, что может сделать мать, когда ее ребенка обижают, но то во мне говорила злость, а разум твердил, что с магом такого уровня мне не совладать.

Соня еще спала, когда я выпуталась из ее ручек и вылезла из-под одеяла. Камин давно потух, и в спальне стало прохладно, так что я натянула на себя пальто. Обулась и прошлась по комнате, рассматривая стены в поисках двери. Ее не было. Она появлялась только когда прикажет Эйден, но как он понимает, когда нужно открыть проход, я даже представить не могла.

Сейчас, выспавшись и отдохнув, в мыслях прокручивала весь наш вчерашний разговор. Дознатель говорил, что у Сони какая-то редкая магия... Но какая? Если учесть, что я вообще не знаю никаких видов силы, для меня они все редкие. Еще он говорил, что Соне передалась магия от меня, но надо ждать несколько лет, чтобы узнать это точно.

Я опустила в кресло и обернулась на кровать. Одеяло было таким огромным и пушистым, что дочка утонула в нем, словно в облачке, и ее нельзя было разглядеть. Но я знала, что она лежит там и я нахожусь рядом с ней, а все остальное сейчас неважно.

Балдер оставил нам свечную лавку, и пусть я пока даже не представляю, что это и как это работает, но могу подозревать, что она поможет заработать нам денег. Опыта в продажах у меня не было от слова совсем. Но я любила изготавливать фигурные свечи для личного пользования, и, как мне казалось, получалось неплохо. Может быть, и здесь получится? Если они вообще кому-то тут нужны. Насколько я могла понять, здесь в ходу простые свечи, которыми пользуются лишь для освещения помещений. Но это ведь так скучно! А вообще, в каком состоянии находится эта свечная лавка? Балдера не было в Молоте двадцать лет!

Я тихонько сидела в кресле, дожидаясь, когда проснется Соня, и думала, думала... Но даже в самых страшных фантазиях не могла представить, что нас ждет дальше.

Одеяло зашевелилось, тут же над ворохом подушек появилась голова с растрепанными волосами, и дочка, зевая, протянула ко мне ручки.

– Доброе утро, милая, – я подошла к ней, обняла, раздумывая, как достучаться до Эйдена, что нас пора отпускать.

– Мам, я есть хочу.

– Нас скоро отпустят в город, и мы что-нибудь купим, ладно?

– А этот дядя с нами пойдет?

– Нет, что ты. У него есть другие, более важные дела.

Я чмокнула ребенка в нос и двинулась к стене, в которой вчера была дверь. Поводила по ней ладонями, и даже постучала, но ничего не произошло. Но когда я отступила на шаг, камни в стене стали растворяться в воздухе, и в коридоре появился Олег. Точнее Ритон. Запомнить бы еще...

Капюшон все так же скрывал его лицо, так что я могла не волноваться за то, что придется объяснять дочери, почему папа ее не помнит. Она его простит, рано или поздно, в силу возраста легко забудет тот страшный вечер, но прямо сейчас она не должна видеть человека, который похож на ее отца как две капли воды.

– Пойдем за мной, – негромко произнес Ритон.

– Соня, идем, – я помогла дочке сползти с кровати, надела на нее пальтишко, сапожки и повела на выход.

Ритон ждал молча, я же боялась, что он попросит оставить Соню. Мне все еще не верилось, что я могу забрать ее так просто.

Мужчина в плаще вел нас коридорами, которые возникали в стенах прямо перед нами. Сколько их было – не счесть, а проходы закрывались сразу за нашими спинами. Эйден Рэнольд защитил себя и свой замок более чем хорошо. Он был по-настоящему искусным магом, даже я, непросвещенная в этих вопросах, это понимала.

Ритон привел нас в столовую. Сам тут же скрылся за дверью, которая сразу же исчезла, а нас оставил в помещении с длинным столом и несколькими десятками стульев. Я растерянно осматривала безлюдную комнату в надежде, что сейчас появятся слуги, но никого и близко не было. За стрельчатыми узкими окнами виднелся заледеневший двор, который сейчас тонким слоем покрывали пушистые снежинки. Мороза на улице, судя по снегопаду, не было, и это хорошо. Идти нам очень далеко и долго.

Эйден появился неожиданно. Вышел из стены, что была напротив нас и медленно пройдя к столу, сел во главе. Соня радостно помахала рукой господину Рэнольду, что повергло меня в еще больший ступор.

– Проходите, садитесь, – Эйден приглашающе махнул рукой.

– Ты обещал отпустить нас, – напомнила я, стискивая ладошку Сони в своей руке.

– Голодными?

Если он собирается накормить нас, то отказываться я не буду. Самой есть почему-то не хотелось, но ребенок должен плотно позавтракать. Стоило нам занять места за столом, как слева в стене появился проход и... Я едва не вскрикнула, но успела вовремя зажать рот ладошкой.

К столу подплыл призрак. Полупрозрачный бесплотный дух держал в руках большое блюдо с запеченной уткой. Поставил его на стол и снова скрылся, а вернулся спустя мгновение с пустыми тарелками и столовыми приборами. Пока молчаливое привидение ставило перед нами тарелки, нарезало мясо и раскладывало перед каждым из нас по кусочку, я смотрела на него во все глаза. Соня тихо ойкнула, но тут же возбужденно зашептала мне.

– Мама, это Каспер? Мама!

– Вроде того, – ошарашенно кивнула я, не отрывая взгляд от уплывающего из столовой духа.

Он вновь вернулся через минуту, и на столе появились фрукты, булочки, сыр и вяленое мясо. К горячим свежим булочкам полагалось сливочное масло, и его привидение тоже не забыло. Когда дух исчез, Эйден заговорил.

– Вижу, вы никогда не встречали подобных существ.

– Я видела по телевизору! – тут же оживилась Соня, спрыгнула со стула и подбежала поближе к Эйдену. Забралась на стул рядом с ним и принялась рассказывать про Каспера, да так быстро, что глотала слова.

Эйден молча слушал, я же пыталась найти в себе силы, чтобы попросить дочку замолчать, но так и не смогла. Мне не хватало совести расстраивать ее.

– А потом появилось много привидений! – закончила Соня свой рассказ и, устроившись поудобнее, взглянула на меня виновато. Она и сама вспомнила, что не стоит доставать чужих людей разговорами. Впрочем, Эйден был терпелив. Он спокойно прожевал кусочек мяса, подвинул к Соне тарелку с сыром и булочки, и дочка с аппетитом принялась за завтрак. Я же ошарашенно наблюдала за ними, а съесть смогла лишь половину какого-то кислого на вкус фрукта, внешне похожего на сливу.

Когда все поели, Эйден поднялся из-за стола.

– Я отправлю вас сразу в свечную лавку. Дальше разберетесь что делать. Для перехода наследства в твою собственность ты должна сходить с тем документом, что я тебе дал, в Дом Советов. Там оформят именную карточку, а потом лавку и дом на твое имя.

Эйден подошел к стене. Я внимательно наблюдала за тем, как он водит по ней кончиками пальцев и вслед за ними тянется сияющая синяя нить. Мне и объяснять не нужно было, что это портал, так что я подхватила дочку на руки и шагнула к нему.

– Надеюсь больше не увидеться, – обронила я и шагнула в открывшийся проем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.